

0- 794528

На правах рукописи

Бурцев Владимир Анатольевич

**ДИСКУРС РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ:
СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

A handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping loops and strokes, positioned in the lower right quadrant of the page.

Елец – 2012

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»

Научный консультант - доктор филологических наук, профессор
Попова Елена Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Алефиренко Николай Федорович

доктор филологических наук, профессор
Казарина Валентина Ивановна

доктор филологических наук, доцент
Ефремов Валерий Анатольевич

Ведущая организация Курский государственный университет

Защита диссертации состоится 13 марта 2012 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «21» февраля 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793112

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. А. Дякина

А. А. Дякина

Реферируемая диссертация посвящена изучению языка и его использованию в конкретной ситуации порождения высказываний в речевом жанре проповеди. Исследование проводится в русле общей теории анализа дискурса, которая основывается на положении о существовании дискурса как специфического лингвистического явления, имеющего отношение одновременно к языковым и неязыковым структурам.

В большинстве дискурсно ориентированных работ проблема выделения дискурса опирается на общелингвистическую проблему противопоставления языка и речи как противочленов в дихотомии **язык – речь (процесс)**. На этом основании то, что относится к дискурсу, связывается прежде всего с речью и с более широким понятием речевого общения. Поэтому понятие дискурса, призванное помочь преодолеть недостатки исследований языка и речи как разных явлений, на самом деле создает почву для изучения дискурса в отрыве от языка.

В диссертации предлагается рассматривать обе проблемы – проблему дихотомии и в связи с ней проблему выделения дискурса – в свете положения о том, что дискурс – это такая сущность, которая выявляется сквозь призму трихотомии **язык – языковая деятельность (процесс) – продукты языковой деятельности**. Под **дискурсом** понимаются материальные продукты языковой деятельности говорящего – высказывания, – которые рассматриваются как контекстуально-зависимые формы некоторого класса предложений, когда те структурируют те или иные жанровые типы текстов. Являясь высказыванием, т.е. продуктом, определяемым по контексту, дискурс предстает как **семантическая сущность**. Соответственно исследование проводится на пересечении двух направлений семантики – **семантики предложения** и **семантики дискурса (семантики высказывания)** и является введением в новую предметную область лингвистической семантики.

В последние пятнадцать лет в отечественной и зарубежной лингвистике была проделана большая работа по исследованию как русского, так и других языков при их использовании в религиозной сфере общения. Это было сделано с разных точек зрения: **стилистической** (И.В. Бугаева, М. Войтак, О.А. Крылова, Л.П. Крысин, О.А. Прохватилова Н.Н. Розанова), **дискурс-анализа** (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, В.А. Мишланов, В.А. Салимовский, Е.В. Сергеева), **когнитивной** (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев, С.Г. Воркачев, Л.Г. Панова, М.Г. Селезнев), **семиотической** (Н.Б. Мечковская) **риторической** (Х. Куссе). Один из общих вопросов, который ставится в значительной части этих исследований, – это вопрос определения различий и их характера применительно к религиозному дискурсу в его отношении к другим дискурсам. Однако до настоящего времени не найдено эмпирических свидетельств, кроме лексических, которые бы показывали, что конституирует религиозный дискурс в кругу других дискурсов, связанных с одним и тем же языком.

Наша попытка продолжить систематическое описание религиозного языка в терминах дискурса способствует прояснению ряда узловых вопросов, ко-

торые касаются специфики использования языка в религиозной сфере коммуникации и которые до сих пор остаются нерешенными. Это вопросы о содержании риторического принципа убеждения в проповеди, о возможных позициях в актах религиозных высказываний участников коммуникации, о роли тех или иных типов предложений в конституировании религиозного дискурса, о семантике религиозного высказывания, о композиционном строении религиозных жанров и делимитационных единицах композиционной структуры, о релевантных элементах сравнительного анализа разных дискурсов.

Актуальность исследования связана с его направленностью на постановку и решение задач, которые для анализа дискурса имеют определяющее значение. В самом общем виде они могут быть разделены на две предметные области анализа дискурса – производство и понимание речевых сообщений. В диссертации исследуется тот аспект их производства и понимания, который связан с задачей снятия двусмысленностей и неопределенностей, выявляемых на заключительном этапе процесса языковой деятельности (в формах высказываний-результатов) и обусловленных существованием имплицитной связи между формой языкового выражения и его семантической интерпретацией.

рование как системных единиц) или ситуативными формами коммуникации – структурами выше предложения. До сих пор по отношению к религиозному дискурсу не было представлено убедительных аргументов по обоснованию того, что за этим термином действительно стоит сущность, которая не только пересекается с другими дискурсами, но и является достаточно дифференцированной. Это означает, что в лингвистике до сих пор нет точных сведений об особенностях межличностной коммуникации, протекающей в религиозной сфере общественной деятельности. В связи с этим возрастает актуальность изучения религиозного, и любого другого дискурса в плане трихотомии язык – процесс – продукт, возникает необходимость пересмотреть в ее рамках те свойства и характеристики объекта, которые являются релевантными по отношению к использованию языка и продуктам его использования в конкретных социальных рамках.

Различие между предложениями и высказываниями проводится в большинстве современных концепций, где предметом является семантика языкового выражения. Однако различие между высказываниями или не проводится, или это делается способом связывания значения высказывания с прагматическими обстоятельствами общения, или, наконец, такое различие проводится на материале разных национальных языков. В отличие от других концепций, в нашей диссертации различие между высказываниями определяется с опорой на различия в синтаксических отношениях, в статусах, которые могут иметь составляющие в разных типах высказываний.

Исходя из актуальной потребности современной лингвистики выйти за пределы методологии автономизации языка, лингвистическая семантика рассматривается в диссертации в свете современных представлений о предмете семантики. Это идеи, согласно которым к области лингвистической семантики следует относить любую энциклопедическую информацию при условии, что она имеет релевантный характер в процессе производства и понимания речевых сообщений. Очевидно, что такое определение границ лингвистической семантики оказывается достаточным для построения общей семантической теории, однако оно не обеспечивает конкретизацию области дискурсных исследований. Эта проблема решается в диссертации таким образом, чтобы рассматривать семантику, выявляемую в ходе производства высказываний как новую область лингвистической семантики, в которой объединяется семантика предложения и дискурсная семантика. Дискурсная семантика – это значение высказывания, выявляемое при его производстве субъектом акта высказывания. В свете трихотомии язык – процесс – продукт вскрываются собственно лингвистические основания, чтобы преодолеть не только методологию автономизации языка, но и методологию автономизации речи, в силу которой то, что относится к дискурсу, предлагается устанавливать только фактами, которые характеризуют процесс общения и никак не связаны с фактами проявления системы языка как источника процессов производства речевых сообщений.

Объектом исследования в диссертации являются предложения и высказывания как единицы крайних составляющих трихотомии язык – процесс – продукт. Предложения и высказывания образуют грамматику дискурса. Кон-

кретные типы предложений и формы высказываний-результатов, подлежащие изучению как объект исследования, выявлялись в диссертации с этой точки зрения, что позволило реализовать комплексное описание объекта. Были рассмотрены высказывания-результаты, произведенные на базе следующих типов предложений: **простых** – с номинализациями, с долженствующими сказуемыми, со сравнительными конструкциями, с причастными и деепричастными оборотами, с обращениями, повелительные и связочные предложения; **сложноподчиненных** – с определительными, изъяснительными, местоименно-соотносительными, условными и причинными придаточными.

Предметом данного исследования является механизм производства высказываний, в силу которого различаются предложения и высказывания, а также разные высказывания, образуемые на базе одного и того же предложения. Исследование механизма производства дискурса необходимо включает операцию анализа (разложения) дискурса на составляющие высказывания, поскольку сам механизм представляется как состоящий в синтаксической стыковке (сцеплении) двух составляющих: **утверждения и утверждаемого** (того, по поводу чего осуществляется утверждение). На первый план здесь выдвигается описание пропозиционального содержания высказывания (приемлемости высказывания), которое устанавливается в конкретных случаях употребления предложения ссылками на те области, которые прямо детерминируют приемлемость. Высказывание фактически определяется в отношении области утверждаемого, и это снимает проблему поиска релевантного экстралингвистического контекста для интерпретации высказывания как приемлемого или неприемлемого в отношении языка, который используется в данной сфере общения. Поскольку эта область значения высказывания структурно связана с утверждением, можно выявить ее, опираясь на само высказывание, на те формы высказывания-результата, которые для данного дискурса необходимо служат формами выражения того, что дискурсом не является, и, следовательно, должны быть отнесены к другому дискурсу. Термин **интердискурс** как центральный концепт реферируемого исследования призван для обозначения той части семантики высказывания, которая связана с другим дискурсом.

Цель диссертационного исследования – описать отношения между предложениями системы языка, которые структурируют тексты проповедей, и высказываниями, которые образуются на грамматической базе данных предложений, и в ходе этого установить, какие высказывания конституируют тексты русской православной проповеди, определяя и устанавливая границы дискурса проповеди.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся следующие задачи.

1. Теоретическое представление сущностных характеристик и категорий предложения и высказывания как формирующих объект исследования анализа дискурса – единицу дискурса; а именно пропозиции, пропозиционального содержания, контекста, акта высказывания, высказывания-результата, утверждения, ассертива, преассертива, интердискурса, субъекта акта высказывания, адресата акта высказывания и некоторых др.

2. Описание грамматики дискурса проповеди путем установления продуктивности предложений системы языка и категориальных текстовых доминант, позволяющих судить о текстовом единстве проповеди.

3. Обоснование процедуры анализа дискурса методом дискурсных парфраз, в силу которого удастся эксплицитным образом привести в соответствие с интердискурсом все пропозиции, получаемые путем трансформации неактуализованных предикативных форм в утверждения так, чтобы приемлемость высказывания однозначно очерчивалась относительно внешней для него действительности.

4. Определение и описание интердискурсных форм (**преконструкта, эффекта опоры, аскриптивов**) как функциональных синтаксических статусов преассертивной части высказываний.

5. Установление условий, при которых разные типы предложений системы современного русского литературного языка контекстуализуются как высказывания религиозного языка.

6. Обоснование концепции акта высказывания, позволяющей решить вопрос о семантическом представлении категории субъекта акта высказывания в структуре высказывания-результата.

7. Определение отношений между субъектом акта высказывания и структурой высказывания-результата, выявление в ходе этой работы фактов адсубъективации субъекта дискурса, классификация форм адсубъективации применительно к типам высказываний, продуцированных по типу включения **преконструкта** и по типу стыковки с **эффектом опоры** и **аскриптивами**.

8. Исследование того, каким образом в дискурсе проповеди различаются роли участников общения; определение категории **адресат акта высказывания** в свете процессов производства высказываний в дискурсе проповеди.

9. Установление различий в производстве дискурса проповеди и дискурсов в других сферах коммуникации.

Гипотеза исследования: центральная проблема в изучении процессов производства и понимания речевых сообщений заключается в том, чтобы выявить, какое содержание – семантическое или прагматическое, чисто энциклопедическое, – определяет построение языкового выражения. Исследовательская модель в плане **язык – процесс – продукт** соотносит продукты языковой деятельности с семантическими характеристиками произведенного объекта, которые, однако, привязаны к интер-интрадискурсу, а не к словарным и грамматическим значениям. Семантические характеристики языкового выражения, выявляемые в силу ограничений, которые накладывает на семантическую интерпретацию интердискурс, являются наиболее релевантным основанием, чтобы установить, какие именно высказывания могут быть, а какие не могут быть продуцированы говорящим, когда он использует средства общенародного языка в конкретных социальных рамках.

Материалом исследования являются тексты русских православных проповедей. Все рассмотренные произведения – это проповеди, прочитанные за богослужением или вне его и затем изданные как собрания проповедей данного автора. Для возможно более полного учета свойств рассматриваемого объекта

исследования материал подбирался таким образом, чтобы им были охвачены разные авторы и достаточно длительный, но вполне четко ограниченный исторический отрезок. Были рассмотрены проповеди почти за двухсотлетний период, начиная с момента становления стилистической и синтаксической системы современного русского литературного языка до настоящего времени.

Общее число проповедей, вовлеченных в исследование, составляет 1100 произведений. В любой проповеди из этой выборки проявляются релевантные черты, свойственные корпусу текстов в целом. С этой стороны выборка является репрезентативной. Дополнительно для сравнения привлекались богословские тексты, а также поучения, наставления и тексты Евангелий, тексты художественной литературы, разговорные, научные и публицистические произведения.

Общее число примеров, которые непосредственно представлены и проанализированы в тексте диссертации, составляет, примерно, 800. Значительное число других примеров, около 470, сконструировано в виде дискурсных парафраз. При сборе материала дополнительно исследовалась частотность, позволяющая решить вопрос о возможности представления некоторых типов предложений списком, релевантным для иллюстрации их доминирования в качестве грамматической базы дискурсных процессов. Непосредственным объектом были должностные слова, частотность которых определялась выборкой величиной около 10000 словоупотреблений.

С точки зрения выявления способов производства высказываний на базе указанных типов предложений материал диссертации представляется исчерпывающим.

Методы исследования. Методической основой исследования является анализ (в буквальном смысле этого термина – **разложение**) высказывания-результата по составляющим высказывания. Методика работы включает описание по трем лингвистическим измерениям, применяемое к каждому классу предложений: структурное и семантическое описание языковой формы и описание семантики языковой формы применительно к особенностям контекстуализации предложения как высказывания.

В качестве способа установления пропозиционального содержания высказываний (контекстуального значения предложений) используется **парафразирование**, средствами которого служат технические приемы **дистрибутивного** и **трансформационного** анализа. Поскольку в работе проводилось типологическое описание дискурса проповеди, то применялись также методы **сравнения** и **лингвистического эксперимента**.

Научная новизна. Впервые в данном исследовании предмет анализа дискурса рассматривается как совместная сфера семантики предложения и дискурсной семантики. В связи с этим в диссертации используется специфическая понятийная система, в терминах которой описывается тот аспект значения единиц языка, который характеризует их употребление в качестве высказываний: адсубъективация, акт производства высказывания, аскриптив, ассертив, высказывание, парафраза, дискурсная семантика, дискурсная структура высказывания, дискурсная формация, интердискурс, интердискурсная форма, интради-

курс, значение высказывания, значение предложения, макроструктура, преасертив, предложение, прекоонструкт, порядок дискурса, пропозициональное значение, пропозициональное содержание, речевой акт, субъект акта высказывания, форма высказывания-результата, форма-субъект, условия порождения дискурса, эффект опоры.

Включение семантики предложения в дискурсную семантику позволило уточнить лингвистическое содержание основных терминов дискурсной семантики, предложенных французской школой анализа дискурса, – интердискурса, интрадискурса, эффекта опоры, порядка дискурса, субъекта акта высказывания, формы-субъекта, – и ввести новые термины дискурсной семантики для обозначения сущности процессов производства высказываний – аскриптив, адресат акта высказывания, интериоризованные синтаксические структуры, дискурсная структура высказывания.

По-новому рассмотрена структура высказывания, которая в соответствии с общим механизмом речепорождения представляется как бинарная структура составляющих – утверждения и утверждаемого, – организованная по типу детерминативной связи.

Впервые в данной диссертации в качестве объекта исследования религиозного дискурса изучены во взаимосвязи предложения, речевые акты и высказывания как члены трихотомии язык – процесс – продукт, что дало возможность в новом свете рассмотреть проблемы дискурса проповеди и определить такие ее особенности: феноменальность в отношении способов производства высказываний при тождестве с другими дискурсами грамматической базы высказываний; стопроцентную продуктивность в проповеди не-декларативных типов предложений, формирующих этот жанр с синтаксической стороны; безусловное текстовое единство проповедей, которое сохраняется на протяжении длительного времени и выявляется на базе продуктивных типов предложений установлением категориальных текстовых доминант: императивности, достоверности, необходимости, возможности, имплицативности.

Благодаря применению семасиологического принципа определены формальные параметры делимитационной единицы текста (всякая бинарная структура, выраженная контекстуализованной формой предложения), которую можно привести в соответствие любому тексту, коэкстенсивному жанру.

Проведение различий между структурой предложения и структурой высказывания позволило выделить в синтаксисе проповеди особый класс функционально-синтаксических единиц – макроструктуры – и охарактеризовать их не только в терминах «значение» и «пропозициональная структура» (Т.А. ван Дейк), но и как действительные грамматические формы особого типа религиозных высказываний – аскриптивов.

Новизна предлагаемого подхода к анализу высказываний состоит в том, что в нем развивается положение о дискурсных парафразах как способе анализа дискурса, которым одновременно обеспечивается и процедура проверки правильности получаемых результатов. Парафразирование выявляет все характерные для данного предложения дискурсные парафразы, допускаемые структурой предложения, и позволяет определить те парафразы, которыми устанавливается

единственное значение предложения как высказывания, приемлемого в отношении социальных рамок употребления общенародного языка. Принципиальное положение о типах дискурса осмысливается в диссертации на этой основе. Впервые она используется, чтобы определять границы дискурса, в частности, дискурса проповеди в каждом конкретном случае употребления предложения или типа предложения.

Новое решение предлагается для проблемы установления позиций говорящего, субъекта акта высказывания, адресата акта высказывания в структуре высказывания-результата. Исследование показывает, что эта проблема может быть решена применением перформативной гипотезы. Анализ речевых актов в рамках акта производства высказывания дал возможность выделить доминирующую иллокутивную цель религиозного высказывания – сообщение, в отношении которой устанавливается позиция говорящего, субъекта и адресата религиозного дискурса.

Изучение русского языка и его использования в текстах православных проповедей, рассмотренное по линии **язык – процесс – продукт**, впервые позволило провести границу между тем, что в языке проповеди относится к системе общенародного языка (типы предложений) и что принадлежит религиозному языку в качестве продуктов языковой деятельности говорящего (типы высказываний).

В целом, в данном исследовании впервые удалось показать, что дискурс русской православной проповеди характеризуется специфическими признаками не только на уровне лексической структуры предложения, но и по линии употребления предложений, рассмотренного с позиции актов производства высказываний.

Теоретическая значимость. Основное теоретическое значение имеют сформированные в исследовании теоретические основы анализа дискурса, в котором объединяются две сферы лингвистической семантики: семантика предложения и семантика дискурса, представляющая собой семантику высказывания в том ее аспекте, который связан с производством высказывания субъектом акта высказывания. Анализ дискурса в свете трихотомии **система – процесс – дискурс** представлен как направление, имеющее специфические теоретические положения о производстве и понимании речевых сообщений.

Интеграция указанных областей семантики не только обозначает альтернативу подходам, где в ту или иную сторону, если исследование ведется в плане дихотомии **язык – процесс**, редуцируется объект лингвистики, но и дает возможность получить новое качественное знание о единице дискурса, методах и способах исследования конкретного текста в аспекте его производства и понимания.

Результаты исследования проповеди в ракурсе анализа дискурса позволили по-новому взглянуть на проблему использования общенародного языка в религиозной сфере общения. Знание того, какие механизмы отвечают за производство высказываний в текстах проповеди, позволяет соотносить с ними любые другие тексты, получая, таким образом, необходимые предпосылки для сопоставления дискурсов и фактически обеспечивая сопоставимость результатов

разных исследований, поскольку в каждом конкретном случае сравнение осуществляется по одним и тем же параметрам, выявляющим схожие или различные структуры высказываний.

Принципы и позиция анализа дискурса существенно продвигают теорию анализа дискурса и дискурс-анализа к получению лингвистической картины процессов взаимодействия языка и речи при производстве и понимании продуктов языковой деятельности. Результаты работы демонстрируют методологическое единство анализа дискурса с лингвистической семантикой и поэтому актуальны для лингвистического самоопределения этого направления функционализма.

Практическая значимость. Предложенная методика анализа высказывания способом дискурсных парафраз может быть применена к сопоставительному анализу конкретных текстов. Рассмотренные интердискурсные формы – преконструкт, эффект опоры, аскриптив – имеют самостоятельное значение для практики дальнейших исследований. Описание высказываний в терминах приемлемости способно охарактеризовать все множество высказываний, которые составляют язык, когда речь идет о его использовании в конкретной сфере общения. Это также предоставляет лингвистические средства для объективной оценки факта существования/отсутствия такого феномена, как дискурс, для ряда сфер речевой коммуникации. На этой же основе представляются перспективными исследования соло-дискурсов, материальных продуктов языковой деятельности индивидуумов.

Бесспорно, является актуальным использование положений анализа дискурса и собственно материала диссертации в различных учебных и специальных курсах по русскому языку, стилистике и истории русского литературного языка, а также риторике и культуре речи.

Теоретической базой исследования послужили положения, разрабатываемые в рамках анализа дискурса в целом, в лингвистической семантике, теории речевых актов и в стилистике.

1) О дискурсе как о высказывании, рассмотренном с точки зрения механизма, которым оно управляется (П. Анри, М. Пешё, П. Серио, К. Фукс, М. Фуко).

2) О механизме производства высказывания, в основе которого лежит универсальный механизм речепорождения (В.Б. Касевич) и по принципу которого трактуются актуализация предложения (П. Адамец, Н.Д. Арутюнова, И.И. Ковтунова, О.А. Лаптева), психолингвистический процесс порождения речевого высказывания (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева), процесс порождения текста (Г.В. Колшанский).

3) О необходимости проведения дифференциации между лингвистическими феноменами не в рамках диады язык – процесс, а в рамках трихотомии язык – процесс – продукт (Л.В. Щерба, Дж. Лайонз), и в ее свете о необходимости различать значение предложения и значение высказывания, пропозициональные и непропозициональные значения, содержание пропозиции и пропозициональное содержание предложения, акт высказывания и речевой акт, высказывание-результат и высказывание-процесс (Дж. Лайонз).

4) О дискурсных парафразах как способе формального представления связи предложения с высказыванием (П.Анри, А.Ж. Греймас, Ж. Курте).

5) О функциональных основаниях исследования языка и языка религии, в частности (Л.П. Крысин, О.А. Крылова, М.Н. Кожина, В.А. Мишланов, В.А. Салимовский).

6) О принципиальном соответствии дискурса некоторому подмножеству единиц системы общенародного языка (подмножеству предложений, а также слов и словоформ), устанавливаемых исключительно посредством конкретных текстов (Ю.С. Степанов); о текстовом единстве, отображаемом посредством категориальных доминант текста (А.В. Бондарко, Ц. Тодоров).

7) Об определяющей роли интердискурса в механизме производства дискурса, или высказывания-результата, и первостепенной значимости для выявления границ дискурса интердискурсных форм (П.Анри, П. Серио, М. Пешё, К. Фуке); о перформативной составляющей в любом предложении (А. Вежбицкая, А. Дэйвисон, Дж. Д. Мак Коли).

8) О множественном характере адресатов в акте коммуникации (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Бобырева, О.А. Крылова) и необходимости дискретизации виртуального понятия участник коммуникации применительно к конкретным речевым актам (Г.Г. Кларк, Т.Б. Карлсон).

9) О политипологичности религиозного дискурса и дискурса проповеди, в частности (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, С.С. Тахтарова, И.Н. Щукина).

Положения, выносимые на защиту.

1. Анализ дискурса является одним из центральных направлений современного функционализма, наряду с когнитивной лингвистикой, и изучает тексты на естественном языке с точки зрения их производства и понимания. Существует несколько отдельных подходов к изучению дискурса, каждый из которых имеет собственную предметную ориентацию.

2. В предметную ориентацию анализа дискурса входит изучение того, как язык и продукты использования языковой системы объединены и связаны друг с другом в процессе деятельности говорящего по производству высказываний. С этой точки зрения анализ дискурса представляет собой совместную сферу действия семантики предложения и семантики высказывания. В число основных проблем, требующих рассмотрения с точки зрения процессов производства высказываний, входят проблемы разграничения предложений и высказываний, языка, речи и дискурса, интенциональности и адсубъективации, говорящего и субъекта акта высказывания, участника коммуникации и адресата акта высказывания, экстралингвистического контекста и интердискурса, интердискурса и интрадискурса, интертекста и интердискурса.

3. Дискурс – это высказывание, рассмотренное с точки зрения механизма, который управляет его производством. Высказывание как продукт использования языка представляет собой контекстуально-зависимую форму некоторого класса предложений, которые в качестве делимитационных единиц структурируют тексты.

4. Как текстовое единство проповедь определяется синтаксическими типами предложений, выявляемыми на основе выражения в тексте функциональ-

но-семантических категорий продуктивности и категориальных доминант текста. Проповедь характеризуется пятью категориальными доминантами: императивности, достоверности, необходимости, возможности, имплицативности. На основе предложений, выражающих категориальные доминирующие значения, строится грамматика дискурса как языка в языке. Установление грамматики дискурса для проповеди является необходимым условием анализа ее языка и проходящих на его базе доминирующих дискурсных процессов, поскольку в проповеди отсутствует центральный синтаксический тип, который можно было бы признать базовым для установления особенностей производства высказываний, характеризующих употребление общенародного языка в проповеди в целом.

5. Структура высказывания включает две составляющие – утверждение и утверждаемое – и отношения между ними, регулируемые порядком дискурса на основе принципа: неутверждаемое предшествует и управляет тем, что утверждается. Тип высказывания определяется структурой высказывания. В проповеди представлены высказывания трех типов, которые классифицируются, исходя из типов интердискурсных форм, – высказывания с преконструктами, эффектом опоры и аскриптивами.

6. Связь дискурса с интердискурсом характеризует производство всех высказываний в текстах русской православной проповеди, в том числе тех, которые образованы на базе не-декларативных предложений, предложений с непропозициональными значениями (модальными и субъективными). Ограничения на значение высказываний, поскольку они проистекают только из интердискурса, определяют невозможность трактовать контекстуализацию предложений в проповедях через категорию прагматического контекста.

8. Проповедь не определяется прагматикой не в силу того, что применяемый подход ориентирован на поиск ограничений, проистекающих из дискурсной формации и интердискурса, а в силу особенностей построения высказываний. Не-прагматичность проповеди является важнейшим фактором реализации в ней риторического принципа убеждения. Как ораторский жанр проповедь опирается на риторику. Однако убеждение не проявляется в том, что называется значением говорящего, или субъективностью высказывания, и фактически не связано с личным мастерством проповедника и фактами использования в текстах проповедей риторических фигур.

9. С точки зрения анализа дискурса, дискурс проповеди – феномен, который имеет существенные различимые черты в сравнении с научным, разговорным, художественным и публицистическим дискурсами.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка, в который входят список использованной научной литературы, включающий 378 наименований, список источников материала исследования, в котором, помимо текстов проповедей, отражены источники из художественной литературы, привлекавшиеся для сравнения, и лексикографический список источников – лингвистические, нелингвистические и энциклопедические словари.

Общий объем рукописи диссертации составляет 447 страниц.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы монография (9,6 п.л.), статьи, среди которых 10 в изданиях, рекомендованных ВАК, и материалы разного уровня конференций. Всего по теме диссертации имеется 39 публикаций общим объемом 20,6 п.л. Результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских, межвузовских и внутривузовских конференциях.

Международные научные конференции: *Селищевские чтения* (Елец 2005, 2011), *Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения* (Елец 2006), *Структурно-семантические параметры единиц языка и речи. Международная научно-практическая конференция* (Мурманск 2009), *Языкознание – 2010: Язык. Культура. Современность. Международная заочная лингвистическая конференция* (Челябинск 2010), *Международный конгресс по когнитивной лингвистике* (Тамбов 2010).

Всероссийские конференции: *Философия и филология русского классического текста. 3-я Всероссийская научно-практическая конференция* (Пенза 2008).

Межвузовские конференции: *Православная цивилизация в XXI веке. X-е Рождественские чтения* (Елец 2008).

Внутривузовские конференции: конференции по итогам научно-исследовательской работы в ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец 2000-2010), ежегодные научно-практические конференции докторантов и аспирантов в ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец 2007-2010).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении содержится общая характеристика предмета исследования, репрезентируется понятие дискурса, представляется научный контекст проблемы анализа дискурса русской православной проповеди.

В главе 1 «**Высказывание как единица дискурса**» рассмотрен вопрос о единице дискурса, который имеет первостепенную важность как вопрос о субстанции изучаемого объекта. В связи с этим вопросом проанализирован ряд понятий, составляющих теоретическую базу лингвистического исследования под углом анализа дискурса. Это понятия **предложения, пропозиции, контекста, акта высказывания, высказывания-результата, утверждения, ассертива, преассертива, интердискурса** и некоторых др.

В § 1 «**Форма выражения и значение единицы дискурса**» показано, что в лингвистической литературе, где используется термин дискурс, нет какого-то одного термина, которым обозначалась бы единица дискурса. Соответственно, нет и общего понимания того, какой феномен за ней стоит. Выделяются, в частности, такие структурные единицы дискурса, как **речевые обмены, коммуникативные ходы, речевые такты** (М.Л. Макаров), **абзацы, предикации, клаузы, риторические структуры, слова, грамматические конструкции** (А.А. Кибрик, В.А. Плунгян), **структурно-синтаксические единства** (С.В. Андреева), **элементарные дискурсивные единицы** (О.А. Савельева-Трофимова).

Различие в терминологии определяется, прежде всего, различием представлений о структуре делимитационных сегментов, которые следует выделять

как составные части текстов или, в устной речи, актов общения. Во всех исследованиях вопрос о форме выражения единицы дискурса ставится так, что она рассматривается как функция от контекстного значения. Однако нет никакой закономерной связи между формой выражения того или иного значения в одном тексте и в других текстах, имеющих с исходным общие жанровые и языковые черты. Поэтому, опираясь на значение как способ делимитации текста, практически очень сложно представить единицу дискурса, которая бы имела сквозной характер для каждого текста, входящего в данную жанровую группу. В связи с этим в диссертации принимается семасиологический принцип делимитации текста и положение о том, что единица дискурса должна быть дискретной и различимой прежде всего в силу формы, а не в силу контекстуальной информации.

На основе семасиологического принципа тексты структурируются на предложения (предложения на предикации, предикации на словосочетания и т.д.). С точки зрения того, какие типы предложений используются в текстах, наш материал и материал любого другого конкретного дискурса выглядит как самоочевидный. Вне всякого сомнения, тексты проповедей структурируются на условные, повелительные, причинные, целевые и другие типы предложений. Однако во многих текстах, которые не являются религиозными, используются те же самые типы предложений, что и в религиозных текстах. Это подводит к вопросу о разграничении предложения и единицы дискурса и критериях такого разграничения.

Хотя тип предложения играет важную роль в оформлении текста, однако предложение само по себе определенно не выступает в виде единицы дискурса. Например, предложение (1) *Святый крест – знамя преткновеня* (Пимен, архим.) может быть контекстуализовано разными способами, что приводит к производству на его базе двух разных высказываний. Во-первых, к высказыванию (1а) *Святый крест есть (был, будет, пусть будет) знаменем преткновеня*, которое за пределами религиозного языка приемлемо с любой модальной и временной формой сказуемого. Во-вторых, к высказыванию (1б) *Святый крест есть знамя преткновеня*, в котором предикативное отношение между подлежащим и сказуемым не может свободно (по требованию говорящего) входить в противопоставление с другими формами связочного глагола по категориям времени и модальности. Такие предикативные отношения мы называем готовыми, не устанавливаемыми в момент произнесения предложения. Только готовое предикативное отношение определяет характер этого предложения как религиозного высказывания, поскольку именно оно делает высказывание приемлемым для употребления в религиозной коммуникации.

Поскольку по линии система – процесс существует неоднозначность, которая может быть присуща всем предложениям в силу действия контекстуального фактора, то в диссертации в качестве единицы дискурса рассматривается **высказывание**, третий член трихотомии, представляющий собой продукт использования единицы системы языка и лишенный неоднозначности по причине своей контекстуализованности. Высказывание – это предложение системы языка, которое получило определенное контекстное значение. **Предложение опре-**

деляется с позиции делимитации сегментов текста в свете семасиологического принципа. Это текстовая последовательность словоформ, характеризующая определенную грамматическую структуру.

Безусловно, что контекст играет главную роль в определенности языкового выражения как высказывания. Но те проявления контекста, которые характеризуют производство речевых сообщений в текстах проповедей, имеют свои особенности. Наиболее важным моментом здесь является то, что все знания адресата религиозного дискурса, которые он может использовать при интерпретации речевых сообщений, являются не прагматическими (ситуативными), а пропозициональными. Пропозициональное знание является знанием, что «дело обстоит так-то» (Дж. Лайонз), и обуславливается необходимой связью между выражением утверждения и пропозицией, в отношении которой выражение данного утверждения приемлемо. Например, предложение (3) *Необходимо иметь мир в своей совести, с окружающими людьми и с Богом...* (Кирилл (Павлов), архим.) как высказывание является приемлемым только в отношении негативной пропозиции (3а) *Мы не имеем мира в своей совести, с окружающими людьми и с Богом*, которая в качестве детерминирующего основания обеспечивает контекстуализацию предложения. Ни с каким другим контекстным значением (Ср: **Мы будем иметь мир в своей совести*) должествующее предложение не может быть высказыванием религиозного языка. Пропозициональный характер детерминирующих пропозиций, определяющих приемлемость религиозных высказываний, объясняет тот факт, что проповедь, когда речь идет о предметах веры, имеет действенный характер независимо от того, кто является ее автором. Поэтому, несмотря на различия в риторической оформленности, в степени личного мастерства проповедника, все проповеди в равной мере эффективно реализуют принцип убеждения, так как есть основания полагать, что говорящий представляет адресату информацию только как пропозициональное знание.

В § 2 «Высказывание как единица общения» основное внимание уделяется характеристике взглядов, которые высказаны в литературе по вопросу о форме и значении высказывания как единицы общения (Н.Д. Арутюнова, Ю.В. Ваннинков, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Дж. Серль). В значительной мере теоретические положения относительно понимания высказывания связаны с одной общей идеей о том, что со стороны своего значения оно определено отношением сообщения к действительности, выражаемым через грамматические маркеры субъективности. Именно эти два тезиса пересматриваются в диссертации на основе представления о том, что стоит за высказыванием, когда оно интерпретируется с точки зрения акта производства высказывания.

Вопрос об акте производства высказывания разбирается в § 3 «Структура дискурса». Под актом производства высказывания понимается процесс, который привел к образованию высказывания как речевого сообщения, т.е. суждения, соотношенного с действительностью в плане приемлемости и воплощенного в форме того или иного предложения системы языка. Наше предположение состоит в том, что в основе процесса порождения высказывания, состоящего в синтаксической стыковке (сцеплении) двух составляющих: ут-

верждения и утверждаемого (того, по поводу чего осуществляется утверждение), лежит универсальный механизм речепорождения, трактуемый в лингвистике как процесс сцепления **прототемы и проторемы** (В.Б. Касевич). По принципу этого механизма в терминах темы и ремы рассматривается механизм актуализации предложения (П. Адамец, Н.Д. Арутюнова, И.И. Ковтунова, В. Матезиус, О.А. Лаптева, В.Е. Шевякова), в терминах модели прошедшего – настоящего – предстоящего – психолингвистический механизм порождения речевого высказывания (Н.В. Уфимцева), в терминах модели акта коммуникации – **предмет** и логически обоснованное **рассуждение о предмете** – коммуникативный механизм порождения текста (Г.В. Колшанский).

Согласно механизму производства высказывания-результата, организующим принципом структуры высказывания следует считать противопоставление составляющих в составе высказывания-результата. Составляющими высказывания являются утверждение и утверждаемое. Утверждение как составляющая высказывания-результата – это акт предикации, которым со стороны говорящего в момент произнесения предложения сообщается о том, какой признак предиктируется референту утверждения. Утверждаемое – область структуры предложения, в которой имеются предикативные формы, не актуализованные по категориям времени и модальности со стороны говорящего, например, номинализации, сравнительные конструкции, придаточные части сложных предложений.

Структурно высказывание организовано, подобно предложению, по **принципу бинарности**. Независимо от того, какой структурный тип предложения рассматривается – простое; простое, не содержащее признаков утверждения; сложное, – мы считаем, что высказывание на его основе организовано по этому принципу. Если предложение не содержит признаков утверждения в своем предикате, то в акте высказывания оно является неутверждаемой частью сообщения, а утверждение обнаруживается в глубинной структуре высказывания в виде перформатива (точнее, в виде глагола, выражающего определенное иллокутивное значение). Такая **дискурсная структура** характеризует целый ряд предложений, которые для текстов проповедей являются ее основными делимитационными единицами. Это простые повелительные и долженствующие предложения, сложноподчиненные с придаточными условия и местоименно-соотнесительными, некоторая часть причинных предложений.

Для этих предложений специфическим системно-языковым признаком является непропозициональный характер значения предложения. Непропозициональный характер значения не выразим условно-истинностно, и поэтому он квалифицируется как субъективный компонент значения высказывания (Дж. Лайонз). Однако общий вывод, к которому мы приходим в своей работе, заключается в том, что субъективность высказываний на базе таких предложений не является фактом деятельности говорящего. И первое, что наталкивает на этот вывод – отсутствие утверждения в поверхностной структуре предложения, т.е. того компонента, каким определяется отношение сообщения к действительности с точки зрения говорящего. Следовательно, предполагается, что свойство субъективности высказываний, построенных на базе этих типов предложений, является свойством, установленным до момента акта высказывания говоряще-

го. Чтобы определить это, такие предложения необходимо было проанализировать в рамках категорий интердискурса и субъекта акта высказывания. Данный анализ предлагается нами в третьей и четвертой главах работы.

Связь и отношения между составляющими в структуре высказывания определяют его дискурсную структуру, которая имеет мотивированный характер. Она определяется требованием утверждаемого – связать утверждение с предшествующим текстом или фоновым знанием. Такой характер связи составляющих позволяет называть утверждение термином **ассертив**, утверждаемое – **преассертив**, а саму связь квалифицировать как **ориентационную** (М. Нунэн), считая ориентацией преассертив. Однако если в синтаксической семантике ориентация представляется в терминах коммуникативных намерений говорящего – как его желание связать предикацию с предыдущим текстом с целью уточнения сущности последнего, – то мы рассматриваем ориентацию сквозь призму акта высказывания, в котором говорящему уже навязаны ограничения, которым он должен следовать при осуществленном выборе того, что предшествует высказыванию и в отношении чего высказанное представляется как приемлемое (значимое для данного языка). Например, в высказывании (4) *Воскресение нашего Спасителя есть основа нашего спасения* (Шумов, прот.) *воскресение* – структурная часть высказывания со стертым предикативным отношением *наш Спаситель воскрес*. Приемлемость утверждения определяется истинным значением пропозиции, которую можно реконструировать по номинализованной форме. Таким же образом в высказывании (5) *Каждая слеза, которая выпадет из очей наших, каждый вздох, который вылетит из души нашей при наших святых занятиях, будут нас к Богу приближать* (Шумов, прот.) утверждение *Каждая слеза, каждый вздох будут нас к Богу приближать* является приемлемым только при ограничительном прочтении (5а) предложения: (5а) *Если при наших святых занятиях из наших очей выпадет слеза и вылетит из души нашей вздох, то они будут приближать нас к Богу*. Аппозитивное значение неприемлемо в силу семантической некорректности сочинительной трансформации (5б): **Каждая слеза, она выпадет из очей наших, каждый вздох, он вылетит из души нашей при наших святых занятиях, будут нас к Богу приближать*. Эта парафраза показывает, в каком отношении (5) не является высказыванием. Наоборот, парафраза (5а) показывает, в каком отношении (5) является приемлемым высказыванием для религиозного языка.

Стыковка в единой грамматической структуре двух высказываний, одно из которых всецело обуславливает приемлемость другого, определяет механизм производства текущего высказывания. Описание механизма производства высказывания эксплицитно (парафразами) выявляет область того, что служит детерминирующим основанием приемлемости высказывания. Предполагается, что обнаружение этой области определяет границы дискурса, в чем собственно и состоит цель исследования языковых выражений с точки зрения их производства и понимания.

Связь и отношения между составляющими высказывания-результата предопределены механизмом акта высказывания. В постмодернистских концепциях дискурса это послужило поводом для формирования такого важного концеп-

та дискурсной теории, как **порядок дискурса**. Во французской школе общий принцип порядка дискурса сформулирован следующим образом: «Неутверждаемое предшествует тому и управляет тем, что утверждается»¹. Для обозначения области ограничений, которые влияют на приемлемость (пропозициональное содержание) высказывания, нами, вслед за французскими исследователями, предлагается понятие **интердискурса**, которое в диссертации рассматривается как центральное в описании дискурса проповеди. Представление об интердискурсе излагается в трактовке французской школы анализа дискурса, однако с уточнениями, необходимыми, чтобы соотнести интердискурс, который был определен французскими лингвистами только в философских и психологических терминах, с областью лингвистической семантики, в рамках которой он и должен пониматься.

Мы рассматриваем интердискурс как каузальную часть значения высказывания, которая грамматически закодирована в предикативной форме преасертивной составляющей высказывания-результата и может быть выражена парафразой, пропозиция которой необходимо связана с пропозицией ассертивной составляющей. Грамматические формы преасертива, через которые кодируется их функциональный статус в акте производства высказывания, определяются как **интердискурсные формы**. Во французской школе анализа дискурса выделены две такие формы: **преконструкт** и **эффект опоры**. В диссертации обосновывается возможность выделения еще одной формы интердискурса – **аскриптива**. Для определения типа интердискурсной формы используется прием трансформации неутвержденной предикации в высказывание. Трансформации рассматриваются как дискурсные парафразы, а парафразирование – как основной способ выявления контекста предложения.

Вопрос о методе исследования дискурса, когда дискурс понимается как высказывание, рассмотрен в § 4 «Метод анализа дискурса» главы 1. Цель парафразирования заключается в том, чтобы привести грамматические формы, в которых утверждение не актуализовано, в вид утверждения. Выражение, приведенное в вид утверждения, характеризуется как пропозиция и, по определению, должно быть либо истинным, либо ложным, т.е. таким, которое можно поставить в соответствие интердискурсу, и, следовательно, однозначно связать с языком, в отношении которого приемлемо только одно высказывание из круга тех, которые допускают множественность пропозиционального содержания. При таком анализе определение приемлемости высказывания не требует подключения контекста, вернее, термин **контекст** переопределяется так, что под ним понимается не контекст ситуации, а ряд пропозиций, относительно которых устанавливается приемлемость текущего высказывания. Соответственно, в анализе дискурса высказывание-результат всегда может быть проанализирова-

---

¹ Пешё М., Фуке К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 105-123.

но в режиме он-лайн, как высказывание-процесс, независимо от времени его реального произнесения.

Под дискурсными парафразами понимаются такие предложения системы языка, которые сопоставляются исходному предложению и противопоставляются другим предложениям как семантические варианты исходного предложения. Парафразы определяются семантическим противопоставлением, поэтому достаточным критерием парафрастического отношения считаем условную антонимию как показатель семантического различия между однородными по своему характеру языковыми выражениями. Например, в рамках предложения (6) *Вот Бог, в Которого мы верим, вот Бог, Который крестной любовью и ликующей, торжествующей любовью Воскресения нас возлюбил* (Антоний (Сурожский), митр.) противопоставляются и сопоставляются парафразы (6а) **Вот тот Бог, в Которого мы верим, вот тот Бог, Который крестной любовью и ликующей, торжествующей любовью Воскресения нас возлюбил* и (6б) *Вот Бог, в Него мы верим, вот Бог, Он крестной любовью и ликующей, торжествующей любовью Воскресения нас возлюбил*, которые показывают, какое высказывание порождается говорящим на базе предложения (6). Лингвистическими основаниями парафразирования в данном случае являются добавление элементов (добавляется соотносительное слово в (6а)) и опущение элементов (опускается относительное местоимение в (6б)).

Используя способ парафразирования, удастся не только показать разные способы производства высказываний, но и дать оценку функциональной роли предложений в типе текста. Например, сравнительные обороты в текстах проповедей в отличие от аналогичных выражений в художественной литературе выполняют номинативную функцию – являются буквальными выражениями. Так, для предложения (7) *Они, яко светила на тверди, сияют, чистотою ума* (Илиодор, еп. 1839) приемлемыми являются парафразы (7а) *Они, светила на тверди, сияют, чистотою ума* и (7б) *Они – это светила на тверди*, которыми иллюстрируется, что сравнительный оборот выполняет функцию отождествления, а не сравнения. В поэтическом тексте (8) *И я, как дух волны морской, Среди людей брожу* (К.Д. Бальмонт. «Дух волны») такие же парафразы невозможны: (8а) **И я, дух волны морской, Среди людей брожу*, (8б) **Я – это дух волны*. Безусловно, в художественном стиле есть возможность достигнуть семантической приемлемости высказываний со сравнительными оборотами в функции отождествления. Но для этого нужно считать, что референциальные свойства подлежащего установлены по требованию говорящего и актуализируются как высказывание о мире, который является миром данного индивида. Имеется в виду, что, во-первых, время осуществления предикационного акта в высказывании на базе предложений типа *Я – дух волны* совпадает с моментом «сказывания»; и, во-вторых, сравнение является окказиональным тождеством, установленным данным говорящим. В религиозном же высказывании приемлемость определяется тем, что предикационный акт в отождествительном предложении осуществлен до акта высказывания, и следовательно, обозначаемая сравнительным оборотом ситуация относится к предшествующему тексту или знанию, по-

казывая, таким образом, что референциальные свойства подлежащего определены за пределами текущего дискурса.

В этом же разделе обосновывается положение о необходимости различать также акты высказывания и речевые акты. Акты высказывания представляют собой синтаксический процесс стыковки утверждения с утверждаемым. Речевой акт – это та часть акта высказывания, которая обозначает деятельность говорящего, когда он делает утверждение. Речевой акт состоит в том, чтобы произвести речевое действие, необходимым условием которого является высказывание утверждения, которое приемлемо в отношении внешней среды дискурса. Например, смысл предложения (9) *Мы веруем в Господа нашего Иисуса Христа, как нашего Неприятного Судию в последний день этого мира на Страшном Его суде* (Николай, митр.) может быть представлен двумя сложными пропозициями: (9а) *Мы веруем в Него, потому что Он будет нашим Неприятным Судией...* (9б) *Мы веруем в Него потому, что Он будет нашим Неприятным Судией*. Если мы возьмем придаточные отдельно – (9в) *Потому что Он будет нашим Неприятным Судией* и (9г) **Что Он будет нашим Неприятным Судией*, – то примеры (9в-г) дают ясное представление о лингвистическом механизме порождения исходного высказывания. Выражение (9в) является самостоятельной пропозицией, так как в качестве самостоятельного предложения грамматически правильно. Следовательно, исходное высказывание строится как стыковка двух единиц сообщения, одна из которых сравнительная конструкция. Выражение (9г) не может быть единицей сообщения, так как в качестве самостоятельного предложения грамматически неправильно. Если мы будем отрицать эти факты, тогда придется признать, что предикативная связь между главным и придаточным предложением является синхронической, устанавливаемой говорящим в момент произнесения высказывания. При таком понимании следует также считать, что то, что *Он будет нашим Неприятным Судией*, установлено «здесь» и «сейчас», а действием говорящего является не речевой акт сообщение (дело обстоит так-то), как мы и хотели показать, а речевой акт утверждение (я считаю, что верно, что дело обстоит так-то), против чего мы возражаем.

Наиболее важный вывод, который следует из исследования, проведенного в главе 1, заключается в том, анализ дискурса в терминах акта производства высказывания имеет формальные преимущества в отношении конституирования феномена дискурса, когда существует неоднозначность в оценке того, какие высказывания производятся говорящим в том или ином типе текста.

В главе 2 «Грамматика дискурса проповеди» рассматривается вопрос о синтаксической характеристике языка проповеди. Постановка вопроса обусловлена необходимостью определить сущностные характеристики синтаксиса проповеди, которыми проповедь отделялась бы от других жанров и которыми бы охватывались доминирующие процессы производства высказываний. Первые три параграфа данной главы посвящены решению этой проблемы.

В § 1 «Количественная интерпретация материала» была подсчитана частотность языковых фактов. Статистическая значимость типа предложения вычислялась на материале предложений с предикатами необходимости (ПН), в

которых сказуемые оформляются по схеме «модальное долженствующее слово + инфинитив совершенного или несовершенного вида»: *должен возвестить / должен молиться*. Обращение к предложениям с ПН как к самому частотному типу было очевидно при визуальном наблюдении, что и определило к ним интерес. Однако статистический показатель не дал тех же результатов, что и метод визуального наблюдения.

Выборка по отдельным текстам показала, что предложения с ПН вообще могут отсутствовать в проповеди или употребляться один раз. Такой же факт характеризует употребительность всех других типов предложений в текстах всех авторов, чьи произведения были рассмотрены. Выборка по количеству словоупотреблений показала, что на 10000 слов приходится, примерно, 53 словоупотребления *должен* и его синонимов (*надо, необходимо, нужно*). Величина и способ выборки были следующие: десять случайных выборок из проповедей десяти разных авторов по 1000 словоупотреблений. При этом точно такая же подвыборка для глаголов настоящего времени в текстах научного стиля показывает, что на 10000 словоупотреблений приходится 682 глагола². В сравнении с подобными пропорциями статистические показатели текстов проповеди не могут быть ориентиром, чтобы ограничить материал рамками этого типа предложений или иными типами, которые вообще можно встретить в текстах. Из этого следует, что нельзя провести разделительную черту между синтаксисом общенародного языка и синтаксисом проповеди, если учитывается только объективная данность синтаксиса предложения в текстах.

В § 2 «Диахронический аспект ограничения материала» вопрос о рациональном ограничении объекта исследования рассматривался в связи с проблемой специфически характерных типов предложений в составе текстов, предшествующих современным. Точкой отсчета служили проповеди первой половины XIX в., с которыми сопоставлялись проповеди второй половины XX в. и начала XXI в.

Общий вывод таков, что православная проповедь на протяжении длительного времени сохраняет одни и те же синтаксические типы. И в проповедях XIX в., и в проповедях XXI в. одинаково регулярны условные, причинные, изъяснительные, определительные, местоименно-соотносительные, целевые сложноподчиненные предложения; повелительные предложения, предложения со сказуемым в форме будущего совершенного, с модальными словами, с обособлениями и обращениями. В диахроническом аспекте между текстами проповедей, какой бы отрезок рассматриваемого периода не изучался, различия не выявляются.

В проповедях всего рассмотренного периода не используются также способы оформления предложений, которые позволяли бы характеризовать тексты в аспекте их стилистического варьирования, с выделением речи творческой, индивидуальной, или социально-групповой. Вместе с тем отмечается момент

---

² Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: Учебное пособие. – Пермь, 1972. – С. 41.

языкового варьирования между синтаксисом проповеди и синтаксисом русского литературного языка. Если между текстами проповедей практически нет синтаксических различий, то в сравнении с текстами письменной речи первой половины XIX в. (периода установления синтаксической и стилистической систем (Е.Г. Ковалевская)), отмечается синхроническое противопоставление языка проповеди русскому литературному языку этого периода. Здесь прежде всего выявляется тот факт, что проповедь, как творческий и свободный жанр коммуникации, выпадает, однако, из круга жанров, обнаруживающих способы использования языка, которые варьируются в отношении автора, стиля, формы речи, интервала времени. В исследованиях по истории русского литературного языка отмечено (Л.А. Булаховский), что, в частности, в оформлении структуры сложноподчиненных предложений русский литературный язык первой половины XIX века испытывал значительные колебания в выборе средств связи предикативных единиц. При этом синонимичные средства использовались без особой стилистической нагрузки, прежде всего как факт индивидуального выбора писателя. Например, в области условных предложений практически недифференцированно с точки зрения их места в стилистической системе языка употреблялись союзы *если*, *ежели*, *когда бы*, *коли*. Иными словами, употребление определялось языковым вкусом писателя. Однако в проповедях варианты между *если ...то* и *ежели* никогда не отождествляются как индивидуально-авторские: (10) *Братие! Если мы воскресли со Христом в жизнь новую: то должны возводить, и взоры ума, и чувствования сердца, на небо, откуда Его ожидаем во славе* (Илиодор, еп.). *Ежели бы родители представляли Бога своим детям с Его любезнейшей стороны; если бы они обращали их внимание на то, что все доброе и полезное приходит к нам от Бога..., если бы родители так говорили своим детям: то в сердце их детей мало-по-малу возникала бы любовь к Богу* (Григорий, архиеп.). В этом же духе интерпретируются и другие типы сложных предложений, рассмотренные в диссертации в диахроническом аспекте (с причинными и изъяснительными придаточными).

В диахроническом аспекте не существует условий для обнаружения в проповедях таких синтаксических форм литературного языка, которые бы выходили за пределы нормативного литературно-языкового контекста соответствующей эпохи и составляли бы индивидуальный речевой фонд автора или авторов.

В § 3 «Категориальная доминанта текста проповеди в функционально-грамматическом и текстовом аспектах» ставится вопрос о том, чтобы найти критерий ограничения материала, которым бы определялось множество предложений системы языка, релевантных для того, чтобы говорить о дискурсе как о феномене, основанном на специфическом использовании языка в рамках религиозной коммуникации. Постановка этого вопроса мотивировалась выводами, полученными из предыдущего рассмотрения, согласно которым ни статистический, ни диахронический критерии не выявляют языковую базу дискурса проповеди.

В связи с данным вопросом в диссертации было принято понятие дискурса как **языка в языке**. Это понятие предложено Ю.С. Степановым, обратив-

шим особое внимание на различие между дискурсом и системой общенародного языка. Мы опирались на идею Ю.С. Степанова о том, что «дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете, – особый мир»³. Дискурс как язык в языке рассматривается так, что множеству предложений, извлеченных из текстов, ставится в соответствие такое множество предложений, без которых данный тип текста как речевой жанр разрушается.

Следующим шагом было обращение к понятию текста. Текст мы определяем как единство содержания и языкового выражения, а ведущей стороной текстового единства считаем потребности общения, передачи мыслей, образов и эмоций адресату. В качестве ключевого понятия отображения связи языковых единиц с функцией текста нами используется понятие **продуктивности**. Оно заимствуется из лексической семантики (Ю.Д. Апресян), где определяется полнотой охвата единиц с заданной совокупностью свойств.

Поскольку проповедь является назидательно-учительным жанром церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка, то продуктивными, по определению, являются предложения со значениями **потенциальности** (возможности, необходимости, гипотетичности), **достоверности**, а также **импликативности**. В качестве продуктивных типов были выделены предложения с императивами, будущим совершенным, предикатами необходимости и возможности, условные, коррелятивные и некоррелятивные местоименно-соотносительные предложения: (11) *Будем же хранить оставленные нам нашими предками заветы...* (Роман (Загребнев), игум.). *Наше лукавство всегда обернется к нашему посрамлению* (Резников, свящ.). *И потому каждый из нас должен подражать своему святому...* (Николай, митр.). *И мы, братия, можем стяжевать имя победоносцев, если будем одерживать победу над злом...* (Леонтий, архиеп.). *Если в сердце будет жива искренняя и неизменная любовь к Господу, то и молитва исправится...* (Владимир (Иким), митр.). *Ибо кто верует всем сердцем, тот... обращается с полной преданностью к Иисусу Христу...* (Григорий, архиеп.).

Эти типы предложений обладают в текстах проповедей стопроцентной продуктивностью, поскольку они полностью охватывают жанр проповеди в качестве единиц этого класса текстов. Проповедь как жанр не существует вне этих типов предложений, что иллюстрируется в диссертации примерами текстовых эпизодов, которые не определяются как тексты проповеди при отсутствии указанных типов. С опорой на продуктивные типы предложений, были установлены **категориальные доминанты текста** (А.В. Бондарко) проповеди, которые, как функционально-грамматические единства, определяют текстовое единство проповеди, позволяя составить однозначное представление о грамматической (синтаксической) стороне жанра. Было установлено пять категори-

---

³ Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 43.

альных доминант: императивности, достоверности, необходимости, возможности, имплицативности. На базе категориальных текстовых доминант имеется возможность охарактеризовать жанровое строение проповеди схемой, которая опирается только на формальные единицы и поэтому более четко определяет механизм развертывания проповеди, нежели те жанровые схемы, которые ус-танавливаются, исходя из содержательной делимитации текстовых единиц.

N – это ...

Если мы не делаем N, то...

Кто не делает N, тот...

(Поэтому) мы должны делать N.

Будем делать N.

В свете положения о различии между предложениями и высказываниями ставится проблема интерпретации выделенных типов предложений как высказываний. Она обусловлена следующим обстоятельством. Почти все выделенные продуктивные типы предложений выражают непропозициональные значения (модальные и субъективные). Возникает вопрос о том, является ли непропозициональное значение только значением предложения или оно также является частью значения высказывания, которое строится на базе соответствующего предложения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было рассмотреть все эти предложения по отношению к акту высказывания и речевому акту говорящего. В зависимости от возможности интерпретации модальности в аспекте одновременности или разновременности с речевым актом, в момент которого утверждается модальное отношение (осуществляется акт высказывания), следует считать, что частью значений продуктивных высказываний религиозного дискурса являются либо непропозициональные, либо дескриптивные значения. Этот вопрос окончательно решается нами в главе 3 при описании форм интердискурса.

В качестве предпосылки его решения в данном разделе отмечается один общий определяющий момент. Он касается возможности/невозможности прагматической интерпретации модальных и императивных высказываний, как они представлены в проповедях. Известно, что обычным прагматическим эффектом таких высказываний должно быть выполнение (осуществление) адресатом положения дел или ситуации, описанных пропозицией соответствующего предложения. Это иллюстрируется следующими примерами: (12) *Нужно срочно пойти извиниться* → *Я иду извиняться. Мы обязаны помочь ему* → *Мы помогаем ему. Петр, открой дверь* → *Петр открывает дверь*. Однако на высказывания религиозного дискурса этот прагматический эффект, характеризующий предложения с непропозициональным значением, не распространяется: (13) *Христианам должно иметь между собою любовь нелицемерную* → **Христиане имеют между собой любовь нелицемерную. Мы можем научиться от него отдавать себя щедро, самоотверженно Богу и людям* → **Мы научились от него отдавать себя щедро, самоотверженно Богу и людям. Внемлите со всей полнотой души сегодняшнему Евангельскому чтению* → **Мы вняли со всей полнотой души сегодняшнему Евангельскому чтению*.

В примерах (13) ни о каком соответствии между пропозициональным значением предложения и его прагматическим следствием речь не идет. Ни одно из этих высказываний не является приемлемым относительно того прагматического эффекта, который они предназначены выражать в силу своего характерного употребления в обычной коммуникации. При решении проблемы интерпретации таких высказываний в текстах проповеди учитывалось то различие, которое, как показал Р. Хилпинен, необходимо проводить между разными характеристиками деонтических высказываний. С одной стороны, деонтические сообщения могут быть высказываниями того, что является нормой, с другой стороны, высказываниями того, что является нормативным утверждением. Поскольку никакого прагматического эффекта не наблюдается в высказываниях типа (13), то следует считать, что актом высказывания предложения, содержащего непропозициональное значение, высказывается не нормативное утверждение, а норма. Фактически из этого следует, что все высказывания-результаты, порождаемые на базе предложений с непропозициональными значениями, производятся не в момент акта высказывания, а в момент, предшествующий актуальному речевому акту говорящего, и, следовательно, частью значения высказывания является дескриптивное значение.

В § 4 «Структурная организация дискурса в текстах русской православной проповеди» на базе установленных типов предложений были определены **формы высказываний-результатов**. Форма высказывания-результата – это синтаксическая структура предложения, на которую налагается структура высказывания. С этой точки зрения рассмотрены простые предложения с отглагольными именами, с причастными и деепричастными оборотами, со сравнительными конструкциями; сложноподчиненные предложения определительными, изъяснительными, условными и причинными придаточными. Одни формы высказываний по своей структуре совпадают с предикативной структурой предложения, другие не совпадают. Структуры предложений и высказываний совпадают, когда в простом предложении группа подлежащего и группа сказуемого выражают соответственно утверждаемое и утверждение; в сложном предложении главная предикативная единица и придаточная выражают соответственно утверждение и утверждаемое. Например: (14) *События торжественного входа Господа в Иерусалим // несколько успокоили Иуду* (Владимир (Иким), митр.). (15) *Он – наш Утешитель, // потому что в Нем – источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях* (Николай, митр.).

Другие высказывания не совпадают по своей структуре с синтаксическим составом простого или сложного предложения. В кругу простых это предложения с неиндикативным наклонением, т.е. без утверждения, например, императивные предложения: (16) *Все будем сердечно благодарны Господу Богу, и все воздадим Ему славу...* (Григорий, архиеп.). В кругу сложных это условные и местоименно-соотносительные предложения. Предложения этого типа представляют собой особые «синтаксические» единицы, **макроструктуры**. С точки зрения акта высказывания их суть заключается в том, что компонентами структуры высказывания являются не предикативные единицы по отдельности, а все

предложение в целом. При этом не образуется сложное высказывание, а образуется «обычное» высказывание, где преассертивной составляющей является сложное предложение, а составляющей ассертива – элиминированный перформатив. Термин **макроструктура** предложен Т.А. ван Дейком. Мы опираемся на его определение, считая, однако, что макроструктура – это не только «значение» и «пропозициональная структура», но и реальная поверхностная форма высказывания-результата как элемент текста проповеди.

Композиционная функция макроструктур в тексте – резюме. Производство высказываний на базе макроструктур определяется как специфический механизм стыковки глубинного утверждения с поверхностной формой. Наличие макроструктур является фактом, который позволяет оценивать производство высказываний в текстах проповедей в рамках одного доминирующего дискурсного процесса, а именно того, в силу которого в религиозном высказывании всегда есть отсылка к интердискурсу. Поэтому, даже высказывая предложения с непропозициональными значениями, говорящий осуществляет такой речевой акт, который может быть лишь сообщением предшествующего ему знания. Например, условные предложения характеризуются тем, что в них пропозиции главного и придаточного предложений не утверждаются, утверждается лишь факт следования и опорное правило, служащее для данного факта логической основой (Е.Э. Разлогова). Так, для высказывания (17) *Только если мы способны принять дар с совершенной благодарностью и совершенной радостью, наше участие в евхаристии будет подлинным* (Антоний (Сурожский), митр.) опорным правилом служит (17а): *Участие в церковном таинстве будет полным, если оно принимается с благодарностью*. Факт следования и факт утверждения можно выразить следственными наречиями (а также вводными словами) и перформативом. (17б): [*Следовательно (потому) + перформатив*]: *Только если мы способны принять дар с совершенной благодарностью и совершенной радостью, наше участие в евхаристии будет подлинным*.

Подробное обоснование тому, что именно этот дискурсный процесс является доминирующим в производстве высказываний религиозного языка, дается в главе 3 «Соотношение дискурса с интер- и интрадискурсом». Здесь анализ проводится с опорой на принцип порядка дискурса (см. с. 19). В свете этого принципа делается выбор в пользу той точки зрения, согласно которой контекстуализация предложения как высказывания определяется областью утверждаемого – интердискурсом. Признаки ситуации, которые можно реконструировать на базе контекста, для дискурса нерелевантны. Для дискурса проповеди они нерелевантны в том числе по той причине, что приемлемость высказываний в проповедях не зависит от прагматических обстоятельств общения, определяемых хронотопом проповеди. Поэтому сама проповедь представляется нам жанром, нейтральным в отношении контекстуальных факторов. Проповедь определяется как **неиндексальный и недейктический** жанр устной коммуникации. Если индексальные и дейктические высказывания выражают разные пропозиции в разных контекстах (Дж. Лайонз), то **неиндексальные и недейктические** высказывания выражают пропозиции ассертива, истинностное значение

которых не зависит от говорящего и конкретной ситуации, а определяется областью интердискурса.

Интердискурс понимается как семантическая сущность, которая составляет каузальную часть значения высказывания, т.е. ту часть, которая является выражением факта и с которым необходимо связана приемлемость утверждения. Как семантическая сущность, влияющая на пропозициональное содержание высказывания, интердискурс структурно связан с утверждением и репрезентирован в предложении грамматической формой, возможной к представлению в виде предикационного акта. Интердискурс независим от утверждения и намерений говорящего, недоступен говорящему в том смысле, что значения пропозиций, реконструируемых по парафразам преассертива, не определяются психическими или какими-либо другими свойствами говорящего как участника коммуникации. Репрезентированная в предложении грамматическая форма, которую возможно представить в виде предикационного акта и в отношении содержания которой строится высказывание говорящего, называется в анализе дискурса **интердискурсной формой**. Дискурс проповеди соотносится с формами высказываний-результатов, которые образуются стыковкой утверждения с тремя интердискурсными формами: с **преконструктом**, **эффектом опоры** и **аскриптивом**.

В § 1 «Понятие преконструкта» рассматривается понятие преконструкта в том значении, которое имеет своим источником работы французских лингвистов: это простые высказывания, которые находятся в отношениях грамматической детерминации с текущим дискурсом, и в который они вставлены как следы конструкций, сформулированные в прошлых дискурсах.

§ 2 «Высказывания с преконструктами в текстах проповеди» посвящен анализу преконструированных высказываний в текстах проповедей. Преконструированными являются все высказывания, образованные на базе предложений, синтаксическая структура которых совпадает со структурой высказывания. В религиозном языке это следующие высказывания.

1) Простые предложения с номинализациями, но только с теми, которые вступают в предикативное отношение со сказуемым: (18) *Славное преобразование Господне величайшее дает утешение христианскому сердцу*; (18а) *То, что Господь преобразился, величайшее дает утешение христианскому сердцу*. Высказывания типа (19) *При нашествии скорбей должно предаваться всеятой воле Божией* (Игнатий Брянчанинов, свт.) образуются не включением преконструкта, а другим механизмом. При частотности отлагательных имен собственно номинализаций в текстах проповедей немного. В силу этого предложения с отлагательными именами преимущественно – стилиобразующее средство, элемент книжного письменного синтаксиса.

2) Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными, которые вводят себя так же, как подчиненные предикации при фактивных глаголах, т.е. придаточная часть представляется как истинная сама по себе: (20) *Из сего видно, что благотворная сила закона простирается на все существо человека* (Менетров, свящ.); (20а) *Благотворная сила закона простирается на*

все существо человека; (206) **Благотворная сила закона не простирается на все существо человека.*

3) Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными. Было рассмотрено четыре разновидности таких предложений: (а) аппозитивные с антецедентом, выраженным нарицательным именем: (21) *Вера есть сила нашей души, которая двигает горами* (Кирилл (Павлов), архим.); (б) аппозитивные с антецедентом, выраженным собственным именем лица: (22) *Пришло время родиться на земле Сыну Божию, Который принимал на себя плоть и душу человеческие для спасения погибавшего в грехах человечества* (Николай, митр.); (в) ограничительные с антецедентом, указывающим на нарицательное имя: (23) *Сего требует правда Божия, изливающая дары свои особенно на тех, кои живут для славы Божией и блага ближних* (Илиодор, еп.); (г) ограничительные с антецедентом, указывающим на собственное имя лица: (24) *Задумаемся, каждый из нас, о том, что значит, что он или она когда-то были принесены в храм, отданы на хранение Тому, Который есть Хранитель младенцев, отданы Тому, Кто есть Господь и жизнь* (Антоний (Сурожский), митр.).

Все определительные придаточные в текстах проповеди образуются включением преконструкта в текущее высказывание. Анализ функционирования определительных придаточных в текстах проповеди в сравнении с текстами, обслуживающими другие сферы коммуникации, показывает, что их преконструированный характер является следствием использования языка в религиозной сфере коммуникации. В других дискурсах придаточная часть может быть частью утверждения говорящего, однако в религиозном дискурсе она может быть связана только с утверждением другого субъекта. Это показывает анализ высказываний на базе предложений (23-24), в которых пропозициональное содержание никаким образом не устанавливается по требованию говорящего. Тексты проповедей включают только такие высказывания, которые обязательно содержат отсылку к интердискурсу, так что текущее высказывание всегда определяется как последующее. В силу этого пропозициональное содержание высказываний в текстах проповедей не зависит от говорящего и конкретной ситуации. Это обобщение распространяется и на высказывания с эффектом опоры и аскриптивами. Им посвящены §§ 3-6.

В § 3 «**Интрадискурс**», в § 4 «**Эффект опоры**» и в § 6 «**Аскриптив**» вводятся и анализируются соответствующие понятия. Интрадискурс определяется аналогично интердискурсу с тем отличием, что, как семантическая сущность, составляющая часть значения высказывания, ее фактуальный характер, в силу которого детерминируется приемлемость высказывания, определяется предтекстом, а не другим дискурсом (другими текстами). Средствами выражения предтекстовой информации являются только высказывания определенного типа – макроструктуры. Макроструктуры, таким образом, представляют собой интрадискурсные формы. Высказывания с интрадискурсными формами называются **интериоризованными синтаксическими структурами**. Их принципиальная особенность заключается в том, что внешнее дискурса (предикативное отношение между подлежащим и сказуемым или предикативная связь между

частями сложного предложения как утвержденные ранее того момента, как было произнесено предложение) представляется как внутреннее отношение, т.е. как бы построенное самим говорящим в текущем высказывании.

Эффект опоры – это макроструктуры, представленные как простыми, так и сложными предложениями, предикативные отношения в которых не способны выразить синхронию отношений между процессом говорения и актом производства высказывания. Аскриптивы – это макроструктуры, представленные сложными предложениями с имплицативной связью предикативных единиц или простыми предложениями с ирреальной модальностью.

В § 5 «Высказывания, образуемые стыковкой с эффектом опоры в текстах проповедей» в качестве высказываний, порождаемых стыковкой по типу опорного процесса, рассмотрены связочные предложения, синтаксически образуемые двумя существительными со структурной схемой N1 Cop f N1 / N5: (25) *Смерть – это жизнь праведников. Время поста есть еще время соединения со Христом. Пища и питье – это пречистое Тело и честная Кровь Спасителя нашего. Христос – единственный источник духовного просвещения; Храм – это небо на земле* (Шумов, прот.). *Спасение – это наша вечная слава* (Николай, митр.). В значительной мере интерес к этим немногочисленным в текстах проповедей высказываниям обусловлен объяснительными возможностями, которые они предоставляют по отношению к таким проблемам, касающимся языка проповеди, как его метафорическая и прагматическая интерпретация.

В проповедях представлены метафоры, и это часто отмечается в литературе, прежде всего, как риторический признак проповеди. Однако что касается построения высказываний, то считаем, что если за пределами религиозного языка высказываниям, построенным на базе связочных предложений, может быть приписана метафорическая и прагматическая интерпретация, то в религиозном языке им может быть дана только буквальная интерпретация. Одним из аргументов служит то, что метафора опирается на сравнение, и если исключение из сравнения компаративной связки ведет к метафоре (Н.Д. Арутюнова), то обратный процесс должен вести к сравнению. Предложение (26) с этой точки зрения – метафора: (26) *Иисус есть виноградная лоза; (24а) Иисус не виноградная лоза, а как виноградная лоза.* Для связочных предложений в проповеди аспект сравнения невозможен, возможен только аспект отождествления. (27) *Крест Христов – это источник для духовного назидания; (27а) *Крест Христов не источник духовного назидания, а как источник духовного назидания.* Из пропозиции (27а) следует пропозиция (27б): **Крест Христов не источник духовного назидания.* В качестве высказывания (27б) неприемлемо для религиозного дискурса. Ср. (28) *Царство Божие – это царство взаимной любви и (28а): *Царство Божие – это не царство взаимной любви, а как царство взаимной любви.*

Второй вопрос, который предлагался к решению применительно к высказываниям на базе связочных предложений, – это вопрос о месте и времени производства отождествительных отношений как единственного семантического содержания предикативных отношений в этом типе предложений. Обычно при-

нимается, что отношения между подлежащим и сказуемым в связочном предложении устанавливаются по требованию говорящего вне зависимости от того, какой семантический аспект содержания предикативного отношения определяется – референтный или атрибутивный. Однако такое решение можно принять, если будет установлено, что предикативное отношение характеризуется по времени и модальности. Для высказываний религиозного языка, имеющих форму связочного предложения, учесть позицию говорящего по предикативному отношению, возможно далеко не всегда. Так, высказывание типа (29) и большинство ему подобных не предполагает аспектов времени и модальности (ср. (29а)), следовательно, в акте общения связочное предложение является объектом, предшествующим утверждению: (29) *Смирение и кротость – добродетели Христовы*; (29а) **Смирение и кротость (были, будут, пусть будут) добродетели Христовы*.

В связочных предложениях субъект акта высказывания находится в позиции такого подлежащего, которое не способно выразить синхронию отношений между процессом говорения и актом производства высказывания. Акт производства высказывания, т.е. денотативное тождество между субъектом и предикатом, осуществляется раньше, нежели это отношение фиксируется говорящим в его дискурсе. Если сделать иной вывод, то есть предположить, что, допустим, в высказываниях типа (30) *Крест – знамя преткновения; Царство Божие – это царство взаимной любви; Молитва Иисусова – твердая пища для нашего ума* предикативное отношение утверждается по требованию говорящего и согласно его мнению относительно семантической связи между именами, то языку проповеди следует приписать черты поэтического языка, среди которых окажутся не только тропеичность, но и в связи с ней – неопределенность.

В § 6 «Аскриптив» аскриптивы (неописательные выражения) определяются как простые и сложные предложения, не содержащие в поверхностной структуре признаков утверждения. В проповедях это сложноподчиненные предложения с условными придаточными, местоименно-соотносительные предложения с коррелятивной связью (неориентированные с анафорической связью предикативных единиц), повелительные предложения, предложения со сказуемым, выраженным модальным словом. (31) *Если бы мы почаще омывали слезами раскаяния свое грешное сердце, мы бы стали ближе к Богу* (Николай, митр.). *Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Отвергнем это мнимое добро!* (Игнатий Брянчанинов, свт.). *Вот почему, братья и сестры, Великим постом, да и всегда, мы должны не только стремиться приступить ко Святой Чаше, но делать это правильно и достойно* (Владимир (Иким), митр.). *И вот эта скорбь, это терпение, эта жизнь со Христом умножают надежду, которая никогда не посрамит верующего* (Николай, митр.).

В этих типах высказываний разложение поверхностной структуры на ассертив и преассертив невозможно, так как для предикативных единиц не определяется истинностное значение. Однако если механизм производства высказывания основан на принципе бинарности, то не только декскриптивные высказывания, но также и аскриптивные необходимо считать имеющими ассертив-

ную составляющую, которая каким-то образом фигурирует в составе высказывания-результата. В диссертации в связи с этим используется перформативная гипотеза, которая во многих концепциях признается релевантной для описания реальной семантической структуры предложения. Согласно перформативной гипотезе, в предложениях с неиндикативным значением ассертивную часть следует представлять в виде глубинного перформативного предложения, в контексте которого основная пропозиция макроструктуры выглядит как преасертив.

Из анализа аскриптивных высказываний, который проводился способом парафразирования основной пропозиции в косвенные вопросы, следует, что в должностующих, условных и местоименно-соотносительных предложениях, контекстуализованных в проповедях как высказывания, содержанием речевого акта говорящего является сообщение. Ср.: (32) *Итак, братия и сестры, увещание и остережение Крестителя весьма нужно и для нас*; (32а) **Итак, братия и сестры, Я утверждаю, нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя*; (32б) *Итак, братия и сестры Я сообщаю, нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя*.

Высказывание (32а) неправильно, так как косвенные вопросы сочетаются с предикатами знания, но не мнения (Е.В. Падучева). Следовательно, сообщаемая пропозиция может иметь только эпистемическое значение. В других текстах, нерелигиозных, значения речевого акта, которым утверждается основная пропозиция не-декларативного предложения, как правило, другие, и более разнообразные, что определяется прагматическими обстоятельствами общения.

Высказывания с аскриптивами в текстах проповедей функционально подобны прекопструкциям, хотя по своим грамматическим функциям они подобны предложениям с субъектным модусом. Если высказывание строится по типу стыковки утверждения с аскриптивом, то в аскриптиве предикативные отношения, как грамматическое содержание предложения, не имеют характера такой грамматической связи, которая устанавливается по требованию говорящего. Одним из главных факторов, вызывающих эффект прекопструкта даже в не-декларативных предложениях, является конвенциональный (непрагматический) характер религиозного языка.

Глава 4 «Субъект и адресат акта высказывания» посвящена выяснению того, как субъективность высказывания – его неотъемлемый атрибут – проявляется в актах производства высказываний в религиозном языке. Французская школа не представила полностью разработанную теорию субъекта акта высказывания, сформулировав только идею о том, что некоторые синтаксические структуры предполагают наличие определенных элементов независимо от утверждения субъекта, что они детерминируют субъекта. В диссертации эта идея принимается как данное. Отмечается, что ее применимость в анализе языка в плане трихотомии *система – процесс – продукт* требует специального доказательства, поскольку необходимо показать различие между эгоцентричностью высказывания и несубъективным характером деятельности субъекта акта высказывания. Для постановки проблемы в этом ракурсе релевантны прежде всего примеры высказываний, которые производятся на базе предложений сле-

дующего типа (33) *Заблудшие и падшие, мы должны пробудить в себе тоску по Отчему Царствию* (Владимир (Иким), митр.).

Традиционный ответ по поводу субъективности этого высказывания будет заключаться в том, что здесь имеется субъект акта высказывания, который выражен формой первого лица местоимения. В свете таких примеров гипотеза о существовании субъекта акта высказывания, которому навязано суждение, им не утверждаемое, выглядит как не находящая обоснование лингвистическими данными. Принимая концепцию французской школы, в диссертации вместе с тем принят и более широкий, чем предлагается этой концепцией, подход к структуре высказывания, который заключается в том, чтобы определять позицию субъекта акта высказывания, подобно тому, как в синтаксисе разграничиваются логическое понятие субъекта суждения и лингвистическое понятие подлежащего. Модель производства высказывания, в которой учитывается отношение между речевым действием говорящего и местом и временем утверждения предикационного акта, создает основу для вычленения позиции говорящего в производстве высказывания.

В § 1 «Значения термина *субъект*» указываются те значения, которые имеет термин *субъект* при использовании его в разных вариантах решения проблемы субъекта: субъект как индивид, как языковая личность, субъект сообщаемого факта; субъект парентетических включений; субъект оценки (В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, Ч. Пирс, Ю.С. Степанов, В.В. Химик, Р.О. Якобсон). Если говорится о формальном предствлении субъекта в структуре предложения, то он характеризуется в ряду таких явлений, как субъект предложения (С.Д. Кацнельсон), предикативный субъект (В.В. Химик), синтаксический субъект (П.А. Лекант), семантический субъект, субъект дискурса (Дж. Лайонз). Хотя в перечисленных классификациях субъект представляется как неоднородная категория, предмет его исследования является общим – изучение способов выражения говорящим самого себя в активной коммуникативной функции отправителя речи. Выражение субъективности понимается при этом как преодоление разрыва между говорящим и субъектом предложения (Ю.С. Степанов, В.В. Химик), что предопределяет в качестве объекта изучения формы, тем или иным образом соотношенные с субъектом.

В § 2 «Понятие субъекта как коммуникативной позиции в акте высказывания» излагается постановка проблемы субъективности высказывания в связи с производством высказывания говорящим. Субъект акта высказывания – имплицитная глубинная категория, поскольку проявляет себя только в процедуре анализа высказывания-результата, которое служит продуктом деятельности говорящего. Данный вывод находит опору в тех в примерах, где подлежащее, выраженное личным местоимением *Мы*, тем не менее не является обозначением только говорящего, а форма сказуемого не соотносится с настоящим актуальным и типичным хронотопом проповеди: (34) *Мы же, спасенные и просвещенные Христом, чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. И мы знаем, что помешать нам достичь вечного блаженства может только грех. Мы знаем путь к вечному блаженству; но бываем одержимы какой-то духовной расслабленностью* (Резников, свящ.). Если принять, что в данных предло-

жениях контекстуализация проходит на базе индексов (темпоральность) и шифтеров (местоимения), то верным будет предположение, что подлежащее *Мы* выражает значение производителя акта высказывания. Однако говорить таким образом можно было бы только в том случае, если бы высказывания удовлетворяли некоторому набору контекстуальных факторов производства текста, в котором данное высказывание используется и относительно которого пропозиция является истинной. Например, местоимение *Мы* обозначало бы только говорящего, а не инклюзивного адресата; глагол *знаем* имел бы значение настоящего актуального, и дискурсная структура однозначно определялась в отнесенности к типичному хронотопу проповеди (В.И. Карасик). Однако с этой точки зрения нельзя интерпретировать не только первое предложение из (34) *Мы чаем воскресения мертвых и жизни будущего века*, которое является прямой цитацией из Символа веры, но и все другие предложения, поскольку актуализация их пропозиций с точки зрения момента непосредственного произнесения предложений невозможна.

Этот вывод находит эмпирическую опору и в тех примерах, где предикативные субъекты никак не могут быть привязаны к говорящему и аспектуальным категориям, поскольку обозначают третьих лиц, и в поверхностной структуре высказывания нет ничего, что указывало бы на связь с субъектом акта высказывания: (35) *Тысячу лет назад наши предки в древней Руси приняли христианскую веру* (Николай, митр.). Применительно к таким высказываниям позиция субъекта акта высказывания может быть определена только принятием допущения о переключенном дискурсе (А.Ж. Греймас, Ж. Курте), объясняющем вопрос о позиции субъекта акта высказывания в свете того, что предикативный субъект не является ее отражением в поверхностной форме высказывания-результата. Фактически для высказываний из проповедей невозможно указать место субъекта акта высказывания, исходя из поверхностных форм предложений.

Высказывание, посредством которого делается утверждение, на самом деле относится к сфере «говорения», а не «делания». Поэтому возможным подходом к определению позиции субъекта акта высказывания является различение высказываний-результатов, имеющих конкретную форму и определенное грамматическое значение как предложения, и высказываний-процессов – речевых актов, которые представляют собой особую часть производства высказываний: не предикационный акт, посредством которого делается утверждение в отношении преассертива, а совершение речевого действия. Покрыть все высказывания-результаты посредством категории субъекта акта высказывания можно лишь в случае, когда субъектом акта высказывания считается субъект, реально осуществляющий речевой акт.

Речевые акты, как относящиеся к сфере «делания», описываются перформативами. Понятие перформатива имеет особый статус для описания процесса акта высказывания субъектом акта высказывания. Теоретически оно восполняет момент, не отраженный французской школой по вопросу различия между грамматическими способами самовыражения говорящего в высказывании и несубъективным характером деятельности субъекта акта высказывания. Прак-

тически же экспликация перформатива выявляет характер совершаемого иллокутивного акта и вместе с ним зависимость содержания иллокутивной цели от способа контекстуализации предложения, что и служит фактическим поводом для того, чтобы проблема субъекта была рассмотрена в свете понятия **адсубъективация субъекта акта высказывания**.

Содержание иллокутивных актов при производстве высказываний в текстах проповеди рассматривается в § 3 «Форма-субъект». В § 2 приводится дефиниция понятия субъекта акта высказывания и рассматривается возможность классификации речевых актов применительно к высказываниям религиозного языка. Субъект акта высказывания – это, с одной стороны, говорящий, тот, кто отвечает за истинность утверждения и чья позиция в акте высказывания – это подлежащее глубинного перформатива, с другой стороны, – это субъективное пространство высказывания-результата, в котором говорящему отводится строго определенное место, проявляющее его исключительно как продукт акта высказывания.

Возможность проведения классификации речевых актов в проповедях ограничена только универсальными речевыми актами: **утверждениями, вопросами и директивами**. Производство культуроспецифичных речевых актов в проповедях чрезвычайно ограничено, несмотря на широкое функционирование в текстах дескриптивных высказываний, которые описывают культуроспецифичные речевые акты (обещания, признания, советы, предупреждения, одобрения, осуждения и т.д.) и которые в широком объеме действительно характеризуют язык проповеди. Опора говорящего исключительно на универсальные речевые акты объясняется общим механизмом производства высказываний в данном типе текстов, который регулируется процессом **объективации пропозиций**. Он заключается в том, что в рамках религиозной идеологии говорящий вынужден ограничивать контекстуализацию высказываний фактором языка, чтобы у слушающего не было возможности обнаружить такие связи между членами предикативного отношения, которые отражали бы модусные характеристики высказывания или вытекали бы из собственных знаний слушателя о мире и не являлись бы каузальными связями, необходимо вытекающими из отношения между выражением утверждения и пропозицией, обуславливающей приемлемость данного утверждения.

§ 3 «Форма-субъект» посвящен исследованию конкретных форм проявления адсубъективации говорящего в процессе построения высказываний в религиозном языке. В связи с понятием адсубъективации даются определения понятиям **интерсубъектности, расщепленного субъекта, гетерогенности речи, многослойного субъекта, формы-субъекта, эффект-субъекта, обращения-интерпелляции**.

Адсубъективация в высказываниях с преконструктом в текстах проповеди заключается в том, что субъект акта высказывания ассоциирует истинностную оценку своего высказывания с высказыванием другого субъекта, которое функционирует в текущем дискурсе как преконструкт. Это демонстрируется, в частности, анализом высказываний типа (36): *Всем нам известно, что человек состоит из души и тела* (Менетров, свящ.), где интердискурсной формой являет-

ся придаточное (36а) *Человек состоит из души и тела*. Выражение (36а) – преко́нструкт, поскольку предикационный акт актуализован с позиции относительного времени. Если рассмотреть (36а) в сочетании с перформативами: (а) **Утверждаю:** *человек состоит из души и тела*, (б) **Заявляю:** *человек состоит из души тела*, (в) **Сообщаю:** *человек состоит из души и тела*, то выражения (а-б) обязывают прочитывать (36) таким образом, что необходимо признать предикативную связь между *человек* и *состоит из души и тела* как утвержденную в момент произнесения предложения. Однако (36а) не может быть фактом утверждения говорящего по формальному признаку, каким является отношение к моменту речи. Оно может быть утверждением говорящего, если только считать, что его автор был первым, кто высказал мысль о том, что «человек состоит из души тела». Утверждение предикативной связи *человек состоит из души и тела* не является творческим актом со стороны говорящего. Предикативная связь утверждена ранее и в другом дискурсе; в текущий дискурс она вставляется на правах готового высказывания. Поскольку говорящий как субъект акта высказывания «не распоряжается» предикатом в преко́нструкте (36а), то его речевым актом может быть только сообщение – (в).

Важным последствием объективации пропозиций является возникновение особого риторического эффекта, который для проповеди является основным условием реализации принципа убеждения. Он заключается в том, что из процесса понимания исключаются интерпретации, которые адресат мог бы сделать сам и которые бы по этой причине отличались от тех, которые накладываются ограничениями, исходящими из интердискурса. Содержание речевых актов в проповеди, как показывает материал, – информирование. Если коммуникативная цель проповеди определяется как убеждение, то информирование является основным способом ее достижения, а одним из способов реализации принципа убеждения служит объективация содержания пропозиций. В случае с преко́нструктом объективация достигается контекстуализацией предложения, обусловленной когнитивным значением пропозиции, непосредственно выраженной предикативными формами преасертива.

В случае эффекта опоры адсубъективация субъекта заключается в том, что позиция субъекта создается не в отношении к форме, как в случае с преко́нструктом, а в отношении к смыслу, который, однако, также является воспроизведенным, а не произведенным образованием. С этой стороны никакое высказывание с эффектом опоры не может быть результатом творчества мысли отдельного говорящего. В высказываниях типа (37) *А между тем богохуление и кощунство есть самый тяжкий грех* (Менетров, свящ.) отношение подлежащее/сказуемое не предполагает аспектов времени и модальности. По этой причине выражение (37а) **А между тем богохуление и кощунство (было, будет, пусть будет) самый тяжкий грех* – неприемлемо, и, следовательно, в акте общения данное связочное предложение является объектом, предшествующим утверждению. Неприемлемым является и (37б) **Утверждаю: богохуление и кощунство есть самый тяжкий грех*, в котором позиция субъекта отождествляется с иллокутивным актом «утверждение», и тем самым предикативное отношение между подлежащим и сказуемым должно быть оценено как установ-

ленное в момент акта высказывания. Приемлемым является только (37в) *Сообщаю: богохуление и кощунство есть самый тяжкий грех*, в котором субъект «отделяется» от того, что утверждается предикатом предложения в отношении субъекта предложения.

Адсубъективация для субъекта акта высказывания, произведенного стывкой с аскриптивом, определяется таким образом, что речевым актом говорящего может быть также только сообщение, поскольку приемлемость высказывания, обуславливается необходимой (каузальной) связью утверждаемой пропозиции и детерминирующей ее пропозицией с констатирующим значением. Так же, как и в случае с преконструктом, роль аскриптивов заключается в идентификации объектов дискурса, а не в их атрибуции. Объективация пропозиций является необходимым условием выполнения высказываниями религиозного языка своих коммуникативных функций: сообщения (информирования) и одновременно воздействия. Если бы это было не так, то для религиозных высказываний невозможна была бы реализация принципа убеждения. В религиозном языке позиция субъекта акта высказывания может быть удовлетворительно объяснена, исходя механизма объективации пропозиций. Если такой механизм не действует, можно считать, что мы имеем дело с другим дискурсом.

В § 4 данной главы «Адресат акта высказывания» показано, что анализ дискурса предоставляет данные для исследования процессов производства и понимания в их взаимосвязи. Изучение процесса понимания готовых речевых сообщений более продуктивно, если семантическая интерпретация, т.е. понимание, ставится в соответствие процессу производства высказывания. С этой точки зрения адресат – такой же продукт акта высказывания, как и его субъект. В исследованиях по дискурс-анализу, коммуникации и стилистике под адресатом имеются в виду реальные участники коммуникации, к которым конкретно обращена речь, или имеются в виду те люди, к которым потенциально может быть обращена речь говорящего. Мы используем термин *адресат акта высказывания* по отношению к тем категориям слушающих, статус которых как адресатов может быть определен в связи с тем, что в высказывании каким-то образом различена эта их роль. Адресат акта высказывания выявляется путем вычленения из множества, которое образуется разными ролями участников коммуникации. Исследование проводится на материале предложений с обращениями, неличными местоимениями, местоименно-соотносительных и условных предложений. Показано, что дискретизация возможна, если в самом высказывании или в контексте есть показатели того, что роли участников коммуникации в пространстве данного высказывания отличаются. Анализ показателей дискретизации адресата акта высказывания продемонстрировал, что проповедь не является ситуативно актуализованной речью, поскольку адресатами актов высказываний в проповеди служат не только прямые участники коммуникации.

Глава 5 «Типологические аспекты анализа дискурса русской православной проповеди» посвящена установлению различий в производстве дискурса проповеди и дискурса в других сферах коммуникации. При этом мы исходили из положения, что не во всякой области коммуникации контекстуализация предложений приводит к образованию специфического феномена дискурса.

Безусловно, не предполагалось, что религиозные высказывания – это всегда представители дискурса, которые невозможны в других дискурсах. Но если имеются отличия в способах производства высказываний в разных сферах коммуникации, то это служит объективным критерием для того, чтобы говорить о действительном существовании разных дискурсов.

Дискурс проповеди – особая сущность в сравнении с другими дискурсами. Между тем данное допущение не очевидно в свете того общего вывода, который можно вывести из ряда типологических исследований в отношении проповеди и религиозного дискурса в целом. Этот вывод следует формулировать как положение о **политипологичности религиозного дискурса**, его сходстве с рядом других дискурсов: научным, политическим, художественным. Вывод о политипологичности религиозного дискурса следует из разных критериев сопоставления дискурсов. Религиозный дискурс подвергался оценке в связи с такими критериями, как тип общения (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик), частотность и грамматическое значение используемых предложений (И.Н. Щукина), стилистическое значение языковых выражений (Л.П. Крысин, О.А. Крылова), отношение языка проповеди к риторическим средствам выражения и убеждения (Х. Куссе) и др. Однако, на наш взгляд, эти критерии таковы, что они не дают четкого различия между продуктами языковой деятельности говорящего и формами, в силу которых они являются выражениями системы языка. С этой точки зрения, например, долженствующие или причинные предложения являются выражениями системы языка, и если они встречаются в другом дискурсе, мы можем сделать вывод о сходстве религиозного дискурса с этим конкретным дискурсом, связав религиозный дискурс с теми возможными особенностями языковых выражений, которые они имеют, употребляясь в характерных для них функциях как выражения системы языка.

Актуальная проблема в связи с типологическими характеристиками дискурсов состоит в том, чтобы получить типологический результат, разграничивая языковые выражения как системные единицы и продукты языковой деятельности говорящего, которые в дискурсе должны представлять специфические результаты контекстуализации предложений системы языка. Именно таким образом предложено решать типологические задачи описания дискурса проповеди в реферируемой работе. Предметом исследования были наиболее дискуссионные вопросы, связанные с отношением проповеди к риторике, реализацией в текстах проповедей стратегии убеждения и выявлением феномена дискурса в той области, которая обычно описывается как область семантики предложения.

В § 1 «Дискурс проповеди и ораторская речь» рассматривается вопрос о реализации в проповеди риторического принципа убеждения. Это один из наиболее важных вопросов, который занимает внимание исследователей на протяжении длительного времени. Общепринятым является мнение, что основной характер языковых единиц в проповеди в области коммуникативных задач заключается в реализации риторического принципа убеждения. Также общепринятым является мнение, что вопрос о риторическом характере проповеди должен ставиться как вопрос выявления экспрессивных форм и стилистико-

риторических приемов. С этих позиций говорится о множестве экспрессивных возможностей языка проповеди в аспекте убеждения.

Однако можно сомневаться в полной достоверности данного вывода. Проповедь как жанр не имеет отличительных черт от других ораторских жанров по характеру используемых риторических средств выражения. Содержание принципа убеждения для проповеди должно выявляться без привлечения языкового (элокутивного) аспекта риторики. Аргументами служат следующие факты. Во-первых, любой риторический сегмент безболезненно убирается из текста проповеди, и это не приводит ни к каким особым последствиям в плане сохранения жанра и его прескриптивно-аскриптивного характера. Существуют примеры текстов, или можно получить такие примеры экспериментально, где функции жанра берут на себя не приемы, а средства системы языка. Поэтому правомерно утверждать, что отношение проповеди к языку является для нее более важным, чем отношение к риторике. Риторические приемы в проповеди должны рассматриваться как стилистические формы, необходимые религиозному языку для изложения предметов веры в церковно-библейском духе, предполагающем возвышенность религиозного языка над обыденной разговорностью.

Во-вторых, содержанием риторического принципа убеждения в проповеди является внушение. Однако аспект внушения не следует понимать в буквальном смысле, как психологическую деятельность говорящего; его необходимо объяснять обусловленностью значения утверждения констатирующими пропозициями. Каузальная связь определяет, что то, что сказано в предложении (утверждено предикационным актом), всегда уже обосновано тем, что известно из неутвержденной пропозиции. В структуре высказывания, помимо суждения субъекта, существует и синтаксически оформляется такое суждение, которое по времени своего производства всегда предшествует суждению субъекта акта высказывания, так что всякий акт высказывания представляет собой стыковку высказывания говорящего с высказыванием другого субъекта.

Иными словами, пропозициональное содержание высказываний в проповеди определяется содержанием интердискурса (интрадискурса), который контролирует не только производство дискурса, но и его интерпретацию, являясь частью значения высказывания. Интерпретируя религиозное высказывание, адресат обнаруживает только каузальные связи. Например: (38) *Если бы ты помнил об них, тебе стыдно бзях ло бы, страшно было бы за такую любовь платить равнодушием к делу твоего спасения* (Шумов, прот.); (38а) *Ты не помнишь о них,* (38б) *Тебе не страшно за такую любовь платить равнодушием к делу твоего спасения.* (39) *Наши христианские дети должны бы получать такую же или даже сугубую благодать* (Менетров, свящ.); (39а) *Наши дети не получают такую же или даже сугубую благодать.*

Особенностью проповеди является то, что процесс производства высказываний описывается применением понятий интердискурса и интрадискурса, в силу чего можно говорить о дискурсе проповеди как о сущности, определяемой через специфическое представление когерентности. То, что делает высказывание говорящего приемлемым, — это тот факт, что оно строится через отношение

с интердискурсом. В терминах когерентности объясняется риторический эффект дискурса проповеди. Он состоит в том, что понимание высказывания полностью соответствует его пропозициональному содержанию, поэтому следствия из высказывания, которые делает адресат, никогда не являются его собственными интерпретациями действительности.

В § 2 «Стилистическое значение предложения и значение высказывания» показано, что в ряде работ типологические результаты описания религиозного дискурса представлены на основе сравнительного семантико-грамматического или стилистического анализа. Из них следует, что если объектом анализа выступают предложения, а не лексика, то, как правило, отмечается сходство религиозного дискурса с другими дискурсами. По этой причине было важно рассмотреть синтаксический материал, представив объекты исследования не как предложения, а как дискурс, как материальные продукты языковой деятельности говорящего. При этом мы опирались на те же самые конструкции, которые привлекались для исследования другими лингвистами: это условные и причинные сложноподчиненные предложения. Условные предложения как высказывания религиозного и научного языка отличаются по двум параметрам. Во-первых, своей текстовой ролью, согласно которой большинство религиозных высказываний характеризуется следственным значением, а типичным значением научных высказываний является значение «посылка». Это иллюстрируют примеры (40–41), где средством выражения следственного значения служат парафразы со следственными словами: (40) *По-видимому, наиболее общий принцип, который Диксон считает само собой разумеющимся и даже не находит нужным сформулировать эксплицитно, – это принцип, который я назвал бы «Принципом сферы опыта». Принцип сферы опыта: * [Следовательно] Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А* (Дж. Лакофф). (41) *Врагом нашим в деле искреннего покаяния является наше самообольщение, когда мы не хотим замечать тех согрешений, мыслей, движений греховных, которыми так переполнено наше сердце. [Следовательно] Если человек впадает в какой-нибудь явный тяжкий грех и если совесть в нем не совсем сожженная и погибшая, она будет обличать в этом явном тяжком грехе* (Николай, митр.).

Во-вторых, каузальными пропозициями, которые соответствуют только одному типу каузатора: негативным пресуппозициям: (42) *Если мы будем стараться поменьше грешить, то станем духовно умиротворенными* (Владимир (Иким), митр.), где (42а) *Мы не стараемся поменьше грешить* негативная пресуппозиция главного предложения, а (42б) *Мы не стали духовно умиротворенными* – придаточного. Что касается условных предложений научного стиля, то они не содержат отрицательных пресуппозиций как каузаторов утверждения. Для того чтобы говорить о семантике таких предложений, следует рассматривать отношение между предикативными единицами как отношение между событиями, результатом которых является факт, установленный в момент произнесения предложения. В высказывании (43) фактуальное значение придаточного есть результат логического синхронического отношения между главной и придаточной частями: (43) *Если мы выделяем дифференциальный элемент*

звонкости, то предполагается, что в общем множестве фонов существует такое его подмножество, которое обладает свойством звонкости (Т.П. Ломтев).

Причинные предложения, как и условные, являются основанием для отождествления языка проповеди и научного языка. Мы пользовались способом интерпретации причинных предложений, который был предложен А. Дэйвисон. Он заключается в том, чтобы учитывать разные отношения придаточной части с главной. Придаточное может выражать: 1) причину того положения дел, которое представлено в утверждении, или 2) выражать «внешнюю» причину, в силу которой говорящий высказал утверждение. Способом представления отношения придаточной части к главной служит выдвижение придаточной части в препозицию и включение в семантическое представление показателя речевого акта или его дескриптивного коррелята в качестве связующего звена между главной и придаточной частями.

Высказывания из научного стиля анализировались следующим образом. (44) *Крайнее распыление является лишь следствием стремления живого вещества к повсюдности, ибо размножение живого вещества, увеличение его массы пропорционально его поверхности.* (44а) *Так как (*?потому что) размножение живого вещества, увеличение его массы пропорционально его поверхности (Я говорю вам (я сказал вам), что крайнее распыление является лишь следствием стремления живого вещества к повсюдности.* (44б) **?Я сообщаю вам это, так как размножение живого вещества, увеличение его массы пропорционально его поверхности.* (44в) **Я сказал вам это, так как размножение живого вещества, увеличение его массы пропорционально его поверхности.* Если принять истолкование с позиций (44б) или (44в), то придаточное следует считать обоснованием речевого акта, а не содержания пропозиции *Крайнее распыление является лишь следствием стремления живого вещества к повсюдности.* При таком толковании смысла содержание указанной пропозиции не имеет своего причинного обоснования и должно быть квалифицировано как факт, как знание, известное говорящему без своей причины. Это означает, что главная пропозиция при порождении исходного высказывания должна предшествовать стадии своего причинного обоснования и ее следует рассматривать как «старую информацию». То, что это не так, иллюстрирует преобразование, в котором главная и придаточная части ставятся в сочинительный контекст. Сочинительный контекст требует, чтобы последовательность предложений характеризовалась какой-либо обусловленной соединимостью разумным образом (Т. ван Дейк). Для нижеследующего преобразования (44г) **Крайнее распыление является лишь следствием стремления живого вещества к повсюдности. Размножение живого вещества, увеличение его массы пропорционально его поверхности* условия разумной соединимости не находится; следовательно, содержание высказывания можно рассматривать только в терминах такого отношения, которое устанавливается в момент акта высказывания.

Таким же образом интерпретировались высказывания из проповеди. (45) *Осуждать мир не наше дело, потому что мы несем за него большую ответственность, чем те, кто творит неправду* (Антоний (Сурожский), митр.). (45а)

Потому что (так как) мы несем за мир большую ответственность, чем те, кто творит неправду Я сообщаю вам (я сказал вам), что осуждать мир не наше дело. (45б) Я сообщаю вам, потому что мы несем за мир большую ответственность, чем те, кто творит неправду. (45в) Я сказал вам, потому что мы несем за мир большую ответственность, чем те, кто творит неправду. (45г) Осуждать мир не наше дело. Мы несем за него большую ответственность, чем те, кто творит неправду. Здесь придаточная часть выражает причину, в силу которой говорящий имеет все основания сообщить, что «осуждать мир не наше дело». В этом случае придаточная часть представлена как факт, уже имевший место и ранее высказывавшийся кем-то другим. Важное значение для приемлемости выражения (45г) имеет анафора (*наше – Мы*). За счет анафоры определяется возможность/невозможность выполнения условия разумной соединимости. Анафора – это показатель экзистенциального характера главной части. В проповедях практически нет причинных предложений, где придаточная часть не содержала бы анафорического указания: (46) *Он – наш Утешитель, потому что в Нем – источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях* (Николай, митр.). (47) *Вот как мы должны исповедоваться;... но мы этого не делаем, потому что боимся этой беспощадной, простой прямоты перед Богом и перед людьми* (Антоний (Сурожский), митр.).

Таким образом, причинные предложения в проповедях представлены высказываниями, в которых информация придаточной части к моменту ее утверждения является усвоенной, известной.

Сравнение религиозного дискурса с научным, разговорным, публицистическим и художественным, проведенное с опорой на продукты языковой деятельности говорящего, показывает, что между сравниваемыми дискурсами, несмотря на то что они пользуются одними и теми же типами предложений, имеются существенные отличия, и это не подтверждает вывод о политипологичности религиозного дискурса.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. В диссертации принимается положение французской школы анализа дискурса – считать языковую систему источником процессов производства речевых сообщений. Оно открывает возможности для описания дискурса как конечного элемента трихотомии **язык – процесс – продукт**. В работе сделана попытка описать дискурс русской православной проповеди под этим углом зрения. Под дискурсом понимаются высказывания, рассмотренные как контекстуально-зависимые формы некоторого класса предложений, структурирующих те или иные жанровые типы текстов. Для исследования высказываний в диссертации разработано положение о релевантности контекста не как экстрадискурсного, а как интердискурсного фактора порождения высказывания. Под контекстуализацией предложения понимается производство на базе конкретного предложения речевого сообщения, соотнесенного с действительностью в плане приемлемости и воплощенного в форме предложения системы языка. Для решения задачи описания способов контекстуализации предложений проработаны, развиты и впервые на материале языка русской православной проповеди представлены теоретические положе-

ния о процессе порождения высказываний. Главным из них является положение о том, что в основе процесса производства высказывания лежит синтаксическая стыковка (сцепление) двух составляющих высказывания: утверждения (предикационного акта) и утверждаемого (того, по поводу чего осуществляется утверждение). Процесс контекстуализации предложения называется механизмом порождения высказывания, который рассматривается как вариантная реализация общего механизма процесса речепорождения.

О дискурсных процессах, которые в принципе недоступны прямому наблюдению и которые поэтому сложно представить эксплицитно и формально, можно судить, опираясь на систему языковых выражений, когда они ставятся в парафрастические отношения. С этой точки зрения процесс производства дискурса и сам дискурс поддается точной фиксации. В свете сказанного конечная практическая задача диссертации состояла в том, чтобы установить, какие высказывания конституируют тексты русской православной проповеди, определяя и устанавливая границы ее дискурса. Всего было рассмотрено 13 типов предложений и на этой основе установлены способы, которыми производятся религиозные высказывания. Описано три таких способа: включение в текущий дискурс преконструкта, стыковка с текущим дискурсом эффекта опоры и аскриптива. Преконструкт, эффект опоры и аскриптив – это названия для тех функциональных синтаксических статусов, которые может иметь в структуре высказывания его преассертивная часть, когда она рассматривается в терминах отношений с ассертивной частью. В этой классификации способов производства высказываний стыковка текущего высказывания с аскриптивом впервые описана как процесс порождения религиозного высказывания. Доказано, что именно аскриптивы определяют грамматику дискурса проповеди, и вне именно этой грамматики проповедь не определяется как жанр.

Из рассмотренного материала следует вывод, имеющий значение для принятия определенной позиции в длительной дискуссии о проповеди как об ораторском жанре. Показано, что приложимость риторики к проповеди ограничена только средствами, которые позволяют риторике создать форму речевого произведения. Что касается вопроса о содержании риторического принципа убеждения в проповеди, то средствами риторики он не решается. В основу исследования этого вопроса кладется материал, который показывает, что для адресата служит главным основанием для вывода следствий из высказываний. Адресат может выводить следствия, во-первых, из своих знаний о мире и знаний о намерениях говорящего и, во-вторых, из пропозициональных знаний, к которым относится знание пропозиций, детерминирующих приемлемость высказанного. Непропозициональные знания допускают неоднозначные выводы. Неоднозначность возникает, если у слушающего есть возможность понять, а у говорящего построить высказывание таким образом, что это даст повод адресату рассматривать высказывание так, что в его отношении можно сделать предположения, которые не следуют или дополнительно следуют из высказывания, а также следуют из того, что говорящий не предусмотрел или намеренно сделал непредусмотренным. Подобная ситуация для текстов проповеди исключена. В религиозных высказываниях нет и не может быть неоднозначности. Это демон-

стрируется тем, что приемлемость религиозных высказываний можно установить, связав их исключительно с содержанием интердискурса, который контролирует не только производство дискурса, но и его интерпретацию, так как является каузальной частью значения высказывания, а не частью значения прагматического контекста. Убеждение в проповеди не проявляется в том, что называется значением говорящего, или субъективностью высказывания, и фактически не связано с личным мастерством проповедника и фактами оформления текстов проповедей риторическими фигурами. Содержанием риторического принципа убеждения в проповеди является внушение. Однако аспект внушения здесь необходимо понимать не в буквальном смысле, как психологическую деятельность говорящего, а как влияние на интерпретацию высказывания области утверждаемого, интердискурса.

В целом проделанная работа рассматривается нами как шаг на пути создания целостной картины лингвистического представления о механизме производства высказываний и взаимодействия между языком, речью и продуктами языковой деятельности в плане изучения языка и его использования в конкретных социальных рамках. По-видимому, сам факт обнаружения по одним и тем же эксплицитным основаниям релевантных различий между высказываниями свидетельствует, где и в каком отношении анализ дискурса позволяет выделить предмет своего рассмотрения и найти точки соприкосновения между противочленами дихотомии **язык – речь**.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Монография:

1. Бурцев В.А. Анализ дискурса в порождающей перспективе: способы функционирования высказываний в русском религиозном дискурсе [Текст] / В.А. Бурцев: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – 153 с. Объем работы – 9,6 п.л.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

2. Бурцев В.А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 10 (66). – С. 9-16. Объем работы – 0,5 п.л.

3. Бурцев В.А. От грамматической теории детерминации к когеренции дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010 – Вып. 1 (81). – С. 242-246 (январь). Объем работы – 0,4 п.л.

4. Бурцев В.А. Дискурсивные формы предикатов необходимости в их отношении к интердискурсу [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. – №1 (Том1). – 2010. Филология (февраль) С. 199-208. Объем работы – 0,6 п.л.

5. Бурцев В.А. Аспекты определения интердискурса: синтаксис, дискурсивные формации, бессознательное [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 4. – 2010. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 7-11. Объем работы – 0,5 п.л.

6. Бурцев В.А. К вопросу о единицах и категориях анализа дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 5. – 2010. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 10-15. Объем работы – 0,7 п.л.

7. Бурцев В.А. Дискурсная структура предикатов необходимости в православной проповеди и в Евангелиях [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 3. – 2010. – С. 9-12. Объем работы – 0,5 п.л.

8. Бурцев В.А. Теоретические предпосылки анализа дискурса в свете диалогичности «язык/речь» [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – № 4. Т. 1. Филология. – 2010. – С. 136-144. Объем работы – 0,6 п.л.

9. Бурцев В.А. Синтаксический, когнитивный и идеологический аспекты интердискурса в их взаимосвязи [Текст] / В.А. Бурцев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина – С. 65-69. Объем работы – 0,6 п.л.

10. Бурцев В.А. Механизмы производства высказываний с предикатом *должен* в религиозном и педагогическом дискурсах [Текст] / В.А. Бурцев // ФИЛОLOGOS. – Выпуск 9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 52-59. Объем работы – 0,5 п.л.

11. Бурцев В.А. Высказывания с прекоинструктом в тексте православной проповеди: лингвистические способы выражения, место и роль в структуре жанра и текста [Текст] / В.А. Бурцев // ФИЛОLOGOS. – Выпуск 10. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 47-54. Объем работы – 0,5 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

12. Бурцев В.А. Ритуальная риторика (тезисы докл.) [Текст] / В.А. Бурцев // Материалы межвузовской научно-методической конференции по итогам НИР за 1995 год. – Липецк, 1996. – С. 42-45. Объем работы – 0,3 п.л.

13. Бурцев В.А. Взаимодействие ментальных предикатов и пропозиции в советском политическом дискурсе [Текст] / В.А. Бурцев // Лингвистические очерки: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.М. Мякотина. – Елец, 1998. – С. 71-79. Объем работы – 0,6 п.л.

14. Бурцев В.А. Прагматические значения предикатов в советском политическом дискурсе [Текст] / В.А. Бурцев // Европейские языки: историография, теория, история. Выпуск 2 / Отв. ред. В.И. Макаров и Г.Н. Пальчун. – Елец ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 137-144. Объем работы – 0,5 п.л.

15. Бурцев В.А. Когнитивные установки в политическом интервью [Текст] / В.А. Бурцев // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Выпуск 1 / Отв. ред. Г. Д. Фигуровская. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – С. 141-151. Объем работы – 0,7 п.л.

16. Бурцев В.А. Референция собственных имен и смысл текста [Текст] / В.А. Бурцев // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Выпуск 2 / Отв. ред. Г.Д. Фигуровская. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. – С. 125-134. Объем работы – 0,6 п.л.

17.Бурцев В.А. Семантический анализ Символа веры [Текст] / В.А. Бурцев // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В.И. Макаров и Г.Н. Пальчун. – Выпуск 5. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – С. 63-74. Объем работы – 0,8 п.л.

18.Бурцев В.А. О понятии *дискурс* в разных теоретических контекстах [Текст] / В.А. Бурцев // Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.М. Селищева / Отв. ред. В.И. Макаров. – Елец, 2005. – С. 280-286. Объем работы – 0,4 п.л.

19.Бурцев В.А. О дискурсивном значении [Текст] / В.А. Бурцев // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова / Отв. ред. Р.И. Хашимов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 329-334. Объем работы – 0,4 п.л.

20.Бурцев В.А. Антропонимическая лексика в языке, в тексте и в дискурсе [Текст] / В.А. Бурцев // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 5 / Отв. ред. В.И. Казарина. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2007. – С. 116-127. Объем работы – 0,8 п.л.

21.Бурцев В.А. Собственные имена в тексте и в дискурсе [Текст] / В.А. Бурцев // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных работ. – Выпуск 6 / Отв. ред. Р.И. Хашимов и Г.Н. Пальчун. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 3-14. Объем работы – 0,8 п.л.

22.Бурцев В.А. О дискурсивном значении глагола *веровать* [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 14: Филологическая серия (3). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 13-24. Объем работы – 0,8 п.л.

23.Бурцев В.А. Дискурс и дискурсивное значение [Текст] / В.А. Бурцев // Русистика XXI века: аспекты исследования языковых единиц и категорий: межвузовский сб. науч. трудов, посвященный 75-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора П.А. Леканта / Отв. ред. Е.В. Алтабаева. – Мичуринск: МГПИ, 2007. – С. 127-130. Объем работы – 0,3 п.л.

24.Бурцев В.А. К Определению религиозного дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // Русский язык: история и современность: сборник научных трудов. К 80-летию профессора В.В. Щеулина / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк – Елец, 2008. – С. 162-172. Объем работы – 0,7 п.л.

25.Бурцев В.А. Символ веры как исповедальный текст [Текст] / В.А. Бурцев // Философия и филология русского классического текста. 3-я Всерос. Науч.-практич. конф.: сборник статей / Общ. ред. П.А. Гагаева. – Пенза: РИО ПГСХА, 2008. – С. 40-43. Объем работы – 0,3 п.л.

26.Бурцев В.А. Символ веры как дискурсивный текст [Текст] / В.А. Бурцев // Собор. Альманах религиоведения. – Выпуск 7 / Отв. ред. Н.А. Белканов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 377-391. Объем работы – 0,9 п.л.

27.Бурцев В.А. Дискурсивная формация и анализ высказываний [Текст] / В.А. Бурцев // О русском языке в историческом, теоретическом и лингвокульту-

турологическом аспектах. К 80-летию доцента Г.Л. Щеулиной / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк, 2009. – С. 58-63. Объем работы – 0,4 п.л.

28. Бурцев В.А. Метафизика дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7 / Отв. ред. Т.М. Свиридова – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 13-18. Объем работы – 0,4 п.л.

29. Бурцев В.А. Понятия дискурса, дискурсивного высказывания и дискурсивной формации в их взаимосвязи [Текст] / В.А. Бурцев // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: Сборник научных статей / Отв. ред. О.М. Чупашева. – Мурманск: МГПУ, 2009. – С. 17-20. Объем работы – 0,3 п.л.

30. Бурцев В.А. Дискурсивные параметры для определения дискурсивных формаций [Текст] / В.А. Бурцев // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 25: Филологическая серия (5). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 3-10. Объем работы – 0,5 п.л.

31. Бурцев В.А. Механизмы интердискурса: синтаксическое вставление в виде преконструкта [Текст] / В.А. Бурцев // Слово в языке и речи: Международный сборник научных трудов в честь 70-летия доктора филологических наук профессора О.И. Литвинниковой / Отв. ред. Т.М. Свиридова. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2009. – С. 81- 85. Объем работы – 0,3 п.л.

32. Бурцев В.А. Православное мироощущение сквозь призму лексических универсалий (на материале «Символа веры») [Текст] / В.А. Бурцев // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – С. 138-144. Объем работы – 0,4 п.л.

33. Бурцев В.А. Интрадискурс и интердискурс в тексте православной проповеди [Текст] / В.А. Бурцев // Philologos. – Выпуск 6 (№№3-4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 57-67. Объем работы – 0,7 п.л.

34. Бурцев В.А. Интериоризованные синтаксические структуры и их дискурсная теория [Текст] / В.А. Бурцев // Языкознание – 2010: Язык. Культура. Современность: материалы международной заочной лингвистической конференции: сб. науч. ст. [Текст] / Под ред. проф. Л.П. Гашевой. – Челябинск: Юж.-Уральское кн. изд-во, 2010. – Вып. I. – С. 26-37 (март). Объем работы – 0,8 п.л.

35. Бурцев В.А. Элементы интердискурса в высказываниях с предикатами необходимости [Текст] / В.А. Бурцев // Язык и культура. К юбилею Эммы Федоровны Володарской / Под ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воротникова. – М.: Издательство института иностранных языков, 2010. – С. 229-232. Объем работы – 0,4 п.л.

36. Бурцев В.А. Порождающий подход как вариант целостной лингвистической модели исследования дискурса [Текст] / В.А. Бурцев // «И нежный вкус родимой речи...»: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / Отв. ред. Е.Ю. Лобова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 48-52. Объем работы – 0,3 п.л.

37. Бурцев В.А. О пространстве интердискурса в дискурсе: тезисы докл. [Текст] / В.А. Бурцев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Выпуск VI. Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. Объем работы – 0,1 п.л.

38. Бурцев В.А. О пространстве интердискурса в синтаксической структуре высказывания [Текст] / В.А. Бурцев // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С. 121-129. Объем работы – 0,6 п.л.

39. Бурцев В.А. Функции относительных придаточных в жанре православной проповеди [Текст] / В.А. Бурцев // III Селищевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева (Елец, 22-23 сентября 2011 г.) / Отв. ред. Т.М. Свиридова. – Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2011. – С. 75-80. Объем работы – 0,4 п.л.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 2,5 Уч.-изд.л. 2,7
Тираж 100 экз. Заказ 169

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

02